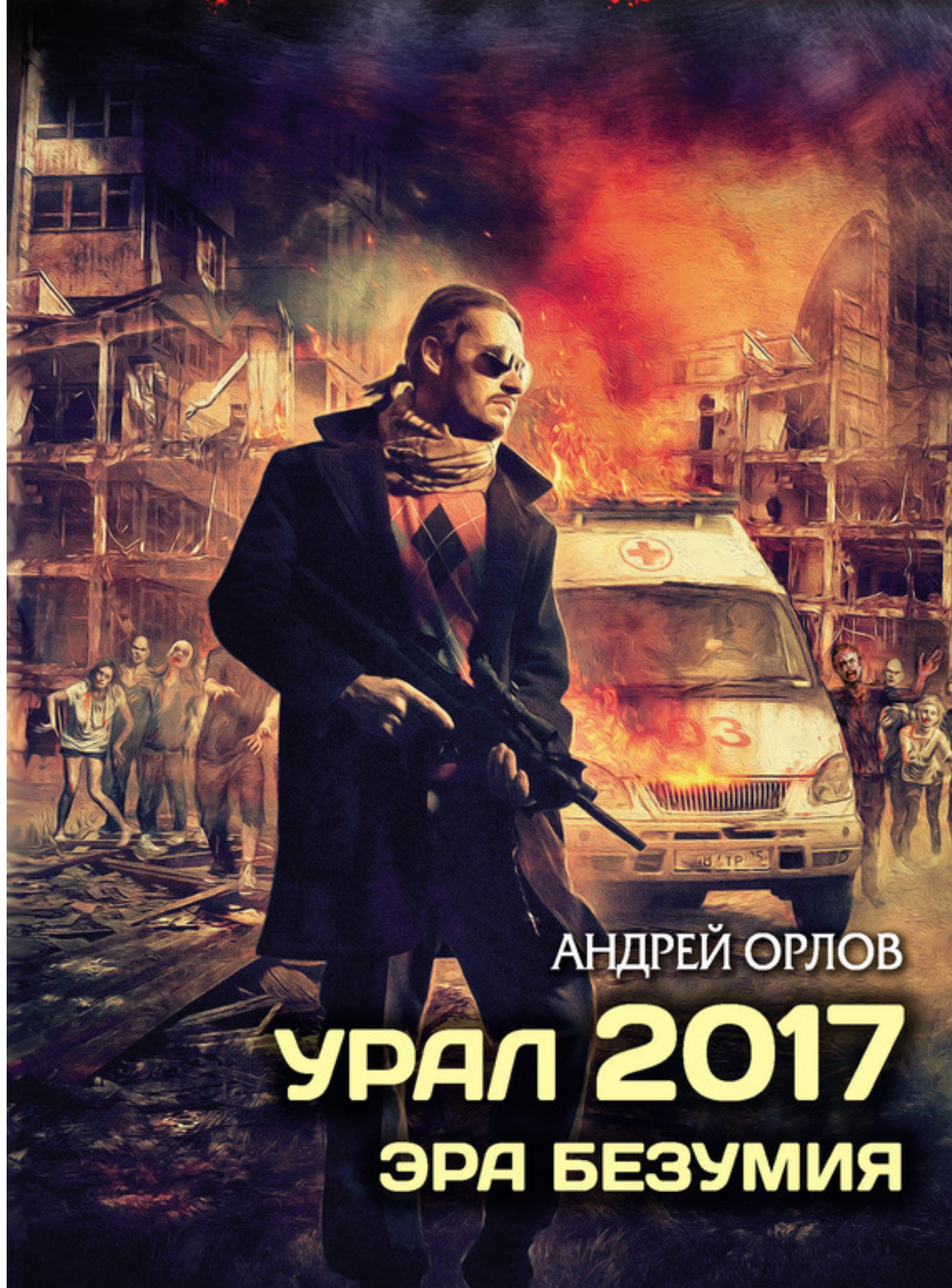

АНДОМАЛИЯ

АНДРЕЙ ОРЛОВ

УРАЛ 2017

ЭРА БЕЗУМИЯ

А.Н.О.М.А.Л.И.Я.

Андрей Орлов

Урал 2017. Эра безумия

«Издательство АСТ»

2014

Орлов А. Ю.

Урал 2017. Эра безумия / А. Ю. Орлов — «Издательство АСТ»,
2014 — (А.Н.О.М.А.Л.И.Я.)

Аномально жаркое лето 2017 года. В уральском мегаполисе свирепствует загадочная инфекция. Больницы переполнены, люди умирают в мучениях прямо на улицах. Внезапно часть зараженных начинает терять разум и превращается в зомби. Вот тут Андрей Баталов начинает понимать, что потерять любимую – не самое страшное. В городе воцаряется хаос, пожары, по улицам носятся толпы голодных вурдалаков. Небольшая группа выживших пытается вырваться из города. Постепенно они понимают – эпидемия была не случайна. Кому и зачем это было выгодно предстоит узнать героям новой книги Андрея Орлова.

© Орлов А. Ю., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Андрей Орлов

Урал 2017. Эра безумия

© Орлов А. Ю., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

На главном городском погосте было тихо и... как-то не празднично. В знойном мареве расплывались могилки и ограды. Царило безветрие – ни один листочек не шевелился на березе. Дерево у ограды создавало тень, но она не спасала. Дышалось с трудом – воздух раскалился, загустел, временами складывалось впечатление, что люди этим аномальным летом 2017 года дышат не кислородом, а какой-то едкой химией. Андрей шевельнулся, вышел из оцепенения. Затекала нога, он сменил позу. Ком в горле не рассасывался, легкие с трудом впускали воздух. Он сидел внутри ограды, смотрел на могилу недельной давности, заваленную жухлыми цветами, на свежий букет, который положил несколько минут назад. Довольно странно – за неделю не пропал ни один цветочек. Обычно их тащат бомжи, а потом продают посетителям за воротами кладбища. Тишина в этом скорбном уголке стояла какая-то неправильная. Он покосился вбок – там что-то шевелилось. Через участок возилась пожилая гражданка в платочке – что-то чистила на «своей» могилке, собирала мусор в пакет. Похоже, она неважно себя чувствовала – иногда замирала, при этом дышала так, словно это были ее последние вздохи. Молодого мужчину по соседству гражданка не замечала. По лицу пенсионерки струился пот. Пожилым людям этим знойным летом было особенно трудно...

Андрей раздраженно поморщился – донеслись посторонние звуки. Он покосился через плечо. Из-за поворота показалась машина – вполне представительный джип. Он как-то неуверенно, рывками катил по дорожке, петляющей между «кварталами». Сместился к левой обочине, заехал на траву и встал, едва не уткнувшись в капот лупоглазой «Хонды» Андрея. Надрывно кашлял водитель. Распахнулась дверь, он вывалился из машины, едва не свернув ограду, за которой возвышались шалашом свежие венки. Лицо водителя искажалось, цвело багрянцем, он кашлял очередями. Оставив дверцу открытой, побрел, как пьяный, в узкий проход между могилами и пропал за кустами. Доносились лающие звуки – водителя рвало. Он был один в машине – больше никто не вышел.

Голова была пуста, как выпитая накануне бутылка водки. Переваривать увиденное она не собиралась. Возвращалось оцепенение. Жара усугубляла душевные муки. Снова мутный взор фиксировал каменное надгробье, фотографию смеющейся девушки с лучистыми глазами. Скорбная датировка ниже фото: 8 января 1991-го – 12 июля 2017-го... Пару дней назад до него дошло окончательно: Риты нет и больше не будет. Он видел сны, как она возвращалась – входила в квартиру со своими ключами, садилась к нему в постель, гладила, что-то щебетала про глупый розыгрыш, вселенское недоразумение, что больше никогда такого не повторится. Он просыпался, замирая от надежды, и снова погружался в беспросветный мрак. Он каждый день приходил на могилу, тупо созерцал надгробье, чего-то ждал. Дни тянулись в тумане, он жил в каком-то выжидательном анабиозе. А пару дней назад вдруг понял с пронзительной ясностью – всё, Риты нет, она не вернется! Он подавил порыв шагнуть через подоконник, схватился за холодную батарею – ты что замыслил, дурачина? На том свете станет легче? С чего ты взял, что на этом все закончится? Живи, как получится, тяни эту лямку. В последующие двое суток он беспробудно пил, не выходя из дома – благо имелись в холодильнике запасы...

Он любил эту женщину до дрожи. На сентябрь намечалась свадьба. И все закончилось, когда водителю большегруза на трассе стало дурно, он выехал на встречу и смял в лепешку не успевшую отпрыгнуть малолитражку. В этом месяце очень многим внезапно становилось дурно. Водитель многотонного грузовика выбрался из оторвавшейся кабины, но процесс уже вступал в конечную фазу. Человека тряс озноб, рвота лилась рекой. Он прополз пару метров на

корточках и умер. Медицинское заключение писалось долго – это был не инфаркт, не инсульт. Что-то острое инфекционное, поразившее ткани и кровь. Отчасти симптомы сыпного тифа, отчасти вирусного гепатита. Но почему водителя в таком состоянии допустили к работе? Коллеги и начальство хором твердили, что парень был здоров, как бык, три часа назад прошел медосмотр. Какие только загадки не таятся в человеческом организме... То, что осталось от Риты в сплюсненной «Тойоте», спасатели вырезали несколько часов. Несостоявшийся тесть – Иван Алексеевич Сурин – сошел с ума, когда на опознании ему предъявили растерзанный труп. Матери у Риты не было, воспитывал отец, бывший военный – и проблемы с психикой начались не сегодня. Трагедия с дочерью лишь усугубила состояние – мужчина впал в глубокую депрессию. Человека устроили в хорошую клинику – спасибо Шуре Черепанову, давнему однокашнику, врио главврача психиатрической больницы № 2. Он первым предложил помощь, видя беспомощность Андрея, взял дело в свои руки и устроил человеку надлежащие уход и лечение...

Он с трудом оторвался от смеющихся глаз, сделал попытку продохнуть. Попытка провалилась, легким не нравилось работать с горячим воздухом. Он извлек из борсетки фляжку, обтянутую кожаным чехлом. Грамм сто внутри оставалось. Андрей смотрел на нее, не решался открыть. Жизнь показывала, что это не самое страшное зло. Поколебавшись, сунул ее обратно. Незапланированных встреч с гаишниками никто не отменял, а от него и так воняло. Он погладил фотографию мертвой девушки. Пусто было на душе. И с телом творилась какая-то ерунда. Неделя в прострации, ноги ватные, в голове туман. Он давно перестал замечать, что происходит вокруг. Отстранился от жизни, не замечал людей. Он поднялся на негнущихся ногах, побрел к дороге. Отметил боковым зрением, что пенсионерка еще здесь. Устала работать, присела, утирая пот. Мужчину, идущего к машине, она не замечала. Возможно, он становился прозрачным. Или тоже умер...

Он открыл дверцу лупоглазой «Хонды» и мрачно уставился на подперший его джип. Водитель не вернулся – как убежал в кусты, так там и остался. В округе властвовал покой. Дверь водителя была распахнута, двигатель работал.

– Эй, мужик, машину убери! – хрипло выкрикнул Андрей. В окружающем пространстве ничего не менялось. Кусты помалкивали. На кладбище царила повседневная кладбищенская тишина. Андрей выждал, повторил призыв. В третий раз кричать не хотелось. В нормальном состоянии он бы, разумеется, полюбопытствовал. С водителем что-то стряслось – немудрено на такой жаре. Но в данный час – похмельный, раздавленный, с образом Риты в голове – он даже не рассматривал такую возможность. Вздохнув, сел за руль подержанной «Хонды», начал рывками сдавать назад – до чугунной загородки оставалось небольшое расстояние. Он смял траву, уперся бампером в бугорок. Медленно, едва не касаясь «обнаглевшего» джипа, начал выворачивать. В обычный день он бы от души поругался, но сегодня не хотелось. Не доходило.

Он плелся по кладбищенским дорожкам, объехал переполненные мусорные баки, ворота, у которых почему-то отсутствовала охрана. Обычно людный пятачок за воротами тоже пустовал. Стояли припаркованные машины, но ни в салонах, ни вокруг не наблюдалось никакой жизни. В происходящем было что-то неправильное. Кондиционер работал, поэтому до выезда на трассу он более-менее отдышался и пришел в себя. Надо прекращать хандрить, – подумал Андрей. Жизнь продолжается, какой бы бессмысленной она ни была. Он снова сместился к обочине, встал под величавой корабельной сосной, достал телефон, чтобы позвонить на работу. Он управлял магазином в Закаменском районе, торгующим запчастями и мелкой «самодвижущейся» техникой. Фантастической прибыли бизнес не приносил, но на жизнь хватало. Подчиненные понимали, что ему сейчас не до работы, справлялись сами. Были сочувствия, соболезнования, но с текучкой никто не лез. Хотя на этом спасибо. Он глотнул минералки из бардачка, набрал своего зама Павленко – просто узнать, не разорилась ли еще контора. Вызов не проходил. Он тупо созерцал экран, пока не дошло, что отсутствует связь. То есть вообще.

Явление редкое, но пока не исключительное. Пожав плечами, он поехал дальше и через пару минут уперся в Западное шоссе, славящееся узкими горлышками и непробиваемыми пробками. Слева в полуденной думке вздымался Горячинский кряж, отпочковывающийся от Уральского хребта. Зрелище величавое в любое время дня и года. Горные кручи вздымались до неба, снег поблескивал на вершинах, абсолютно безразличный к аномально жаркому лету. Каждый выходной туда устремлялись тысячи горожан, надеясь найти прохладу на местных сопках. По горным серпантинам карабкались машины, пешие группы. Находились чудачки, которые покоряли вершины, разбивали там палатки и насмешливо взирали с высоты на задыхающийся город.

Попутная полоса была пуста. Андрей засмотрелся на ползущую навстречу бетономешалку, повернул направо. Пронзительный рев привел в чувство! Ахнув, он выжал тормоз, и мимо него на предельной скорости, продолжая верещать, промчалась спортивная «Мазда-3»! Какого черта, ведь никого тут не было! От столкновения уберегли какие-то доли мгновения. Сердце колотилось, колющий еж выдавливался из горла. Злость ударила в голову. Испугался? Жить захотелось, Андрей Михайлович? А смысл имеется?

Убедившись, что до ближайших фар не менее двухсот метров, он выехал на трассу и покатил к городу – суровому уральскому мегаполису, центру металлургической и прочих промышленности, центру притяжения в южной части Уральского региона. Быстрее шестидесяти он не разогнался. Тише едешь – дольше живешь. Несколько раз его по встречной полосе обгоняли машины – движение в этот день было незначительным. Возможно, из-за жары, или из-за того, что суббота на календаре. В полуденной ряби проплывали окраинные микрорайоны, коттеджи, замшелый частный сектор, который власти пообещали снести через двадцать лет. Асфальт, положенный в прошлом году, уже вздувался, обрастал трещинами. От монотонной езды опять уплывало сознание. Глухо вещал приемник – диктор уверял, что жара на Южном Урале продлится еще неделю – ну, максимум две или три. А потом, наконец-то, в регион придут долгожданные «двадцать пять» (ну, максимум «тридцать»). Ведущий сам не верил своим словам – проговаривал их вяло и неубедительно. «Такие новости следует сопровождать закадровым смехом», – лениво подумал Андрей. Он убедился, что мобильная связь продолжает отсутствовать, сделал попытку подумать головой (а не чем-то еще), с чем это связано, но попытка провалилась. Мозги становились ненужным придатком черепа, картинка в лобовом стекле расплывалась, как пластилин над огнем. Дома уплотнялись, он въехал в город. Машинально отмечались нетипичные картинки. На редкость не загруженные дороги – даже через «горлышко» под виадуком он проскочил, как по маслу, хотя в иные дни мог стоять тут часами. Очень странно, два часа назад, когда он ехал из города, этого вообще не заметил. Хорошо, что в аварию не попал. Деревья скукожились от палящего зноя, походили на согбленных старцев. Избыток машин «скорой помощи» – несколько раз он замечал автомобили характерной расцветки, виляющие между другими машинами. Пешеходы тащились по тротуарам, вот кто-то схватился за фонарный столб, согнулся пополам, его рвало на бордюр. Переизбыток машин на обочинах – люди оставляли их впопыхах. Водитель белого фургона не доехал до обочины, бросил свое корыто на второй полосе, даже аварийку не включил. Молодая женщина лежала на тротуаре, ее трясло, пена изливалась с губ. Над ней приплясывал молодой парень, не знал, за что хвататься, кроме собственной головы. Притормозили прохожие, стали нагибаться, кого-то из них тоже вырвало...

Он никогда не видел такого количества ДТП. Японский микроавтобус врезался в подержанное купе, загнав его на тротуар и протаранив рекламную конструкцию. Двери машин были нараспашку, рядом никого – либо обошлось без пострадавших, либо их уже увезли... Авария из трех машин, последовательно воткнулись друг в дружку – участники и очевидцы при этом присутствовали, но обсуждали событие как-то без огонька. Плакала девочка с косичками, размазывая слезы по мордашке. Мамаша при этом присутствовала, но ничего не видела – ее

как будто парализовало, сумочка свалилась с плеча... У высотного бизнес-центра «Уральский самоцвет» авария была куда серьезнее. Грузовая фура выезжала с примыкающей дороги – то ли тормоза отказали, то ли с водителем что-то приключилось, – понеслась с горки, завалилась боком на припаркованные авто. В машинах, кажется, кто-то был... Истошно выла женщина над укрытым простыней телом, ругались мужчины. Двое храбрых самцов бросались на инспекторов ГИБДД, и те не стеснялись применять дубинки. Их лица тоже искажала ярость. Андрей на пониженной скорости тащился мимо – одному штатскому уже перепало, он загибался от боли. Второго вдавили в капот и дубасили по ребрам, входя в раж и не стеснясь присутствующих. Мужчина орал, но стражи законности не унимались. У одного инспектора был разбит нос, униформа взмокла от крови. Толпа реагировала вяло, никто не протестовал, не возмущался. «И здесь разгул законности и правопорядка», – констатировал Андрей, пристраиваясь в хвост короткой очереди. Между тротуаром и перевернувшейся фурой оставался узкий просвет. Здесь стоял еще один инспектор, регулировал движение. Молодой парень был растерян, кусал губы, физиономия покрывалась мертвецкой бледностью. Андрей протащился мимо, даже не задумавшись, что если парень его остановит, последующие полтора года придется ходить пешком. «Выхлоп» от вчерашнего царил такой, что самого тошнило...

Все увиденное не откладывалось в голове. Онпил последние дни, не выходя из квартиры, что-то пропустил в этой жизни... Он повернул на улицу Планетарную, чтобы напрямую выехать к дому... и сам едва не пополнил сводку ДТП! На него летел, виляя «бедрами», обезумевший розовый «Платц»! Он успел среагировать, метнулся к бордюру, оцарапал крыло. Машина промчалась мимо, как ракета. Он успел заметить бледный лик водительницы средних лет, слипшиеся волосы. Да что случилось с людьми на жаре?! Он машинально обернулся. Розовый «Платц» на скорости сместился вбок, перелетел через бордюр, что с его посадкой было сущим безумием! Андрей невольно напрягся – не им подмечено, что столбы любят быстрых женщин. Водительнице удалось избежать столкновения с означенной конструкцией – машина сделала сумасшедший вираж, встала, никого не задев и едва не въехав в распахнутую дверь подъезда. Открылась дверца, вывалились стройные ноги в туфлях на шпильках, выгнулась худая шейка – водительницу рвало. Орали дети «мужскими» голосами, но в этом не было ничего неординарного – детский мат давно не шахматный термин...

Он тоже чувствовал позывы к рвоте. В горле раскалилась Сахара. Он нашел пустое место на парковке, добрал до павильона, чтобы купить минеральной воды. С трудом, словно старый разбитый дед, перевалился через крыльцо, вторгся в торговый зал. Там царила убийственная парная. Кондиционер не работал. Электричество тоже приказало долго жить – судя по мраку в холодильниках и на витринах. В зале было пусто – ни покупателей, ни продавцов. Он обозрел витрины, отключенные холодильники с напитками – можно представить, во что там превратились лимонад и пиво. Добрал до прилавка, выждал пару минут, постучал по стеклу. Никто не отзывался. Магазины вымер. «Неспроста, – сделал глубокомысленный вывод Андрей. – Наверняка за этим что-то стоит». Он созерцал застекленную витрину, в которой скукожились сосиски, сардельки и прочие изделия, не имеющие отношения к мясной продукции. «А из настоящего мяса в наших магазинах только продавщицы», – пошутила однажды Рита и взяла с него слово никогда, ни при каких условиях не есть это «жидко-картонное» дерьмо. При мысли о Рите он снова почувствовал тошноту. Стучать в витрину можно было до полной победы глобального потепления. Он махнул рукой и побрел восвояси. Скоро и так домой приедет, а в холодильнике полная банка с водопроводной водой...

Через несколько минут он въехал в тенистый дворик на улице Декабристов. Во дворе было тихо, как в гробнице. Чахлые тополя стояли, как приговоренные к расстрелу. Грудились старые пятиэтажные дома с облупленными фасадами. На фоне прочих дом, в котором проживал Андрей, выглядел сущей «Флоренцией». Не украшенный, к сожалению, фигурами античных богов, но вполне помпезный, основательный, возведенный в те годы, когда людей пачками

расстреливали в подвалах, но строили на совесть. Он припарковался на своем «коронном» месте между мусоркой и качелями, в третий раз проверил телефон – связи не было. Он заглушил мотор, уныло констатировал, что машина продолжает немерено потреблять бензин. Полный бак он заправил за день до трагедии с Ритой. Практически не ездил, только сегодня – а стрелка опустилась уже на треть. Пора везти старушку в автосервис. Рита однажды укорила: твоя тачка ест, как голодный ребенок. Будем ждать, пока она вырастет и станет автобусом?

Любое воспоминание о потере вызывало резь в желудке. Он осмотрелся, прежде чем выбраться из машины. Двор пустовал, невзирая на субботний день. По детской площадке кругами носился палевый питбуль Смурфик из второго подъезда. За собакой волочился поводок. Физиономия пса выражала полнейшую растерянность, он не мог понять, куда пропал хозяин. Обоняние почему-то не работало. Собака металась по двору, жалобно скулила. Кинулась было к Андрею, но встала, затормозив всеми лапами – не то. В окружающем пространстве было что-то от чертовщины. Имей он трезвый ум и зоркий глаз, давно бы сделал выводы. Но рассуждал, видимо, так: если ему плохо, то и всему миру должно быть плохо. Он заспешил к подъезду, торопясь поскорее добраться до воды и дивана. Из подъезда вышли двое – молодожены с пятого этажа. Он, хоть тресни, не знал, как их зовут (а может, знал, но забыл). Даже обрадовался – хоть кто-то живой в этом «вчерашнем дне». Молодые неважно выглядели – парень кашлял и сплевывал, юная спутница с тревогой на него смотрела, не подозревая, что сама покрывается пунцовыми пятнами.

– Добрый день, Андрей Михайлович, – поздоровалась девушка, хватая парня за локоть. У того кружилась голова – он вцепился в косяк, как-то глупо улыбнулся.

– И вам того же, – отозвался Андрей. – Далеко собрались, молодежь? Надеюсь, не в парную?

– Павлику плохо стало, – хрипловато объяснила девушка. – Вызвали врача, а он не пришел. Дойдем до поликлиники, должен же там работать дежурный терапевт?

Неясное чувство подсказывало, что прогулка закончится впустую. Но он не стал пускаться в дискуссии, пропустил семейную пару и ввалился в подъезд. Кружилась голова. Он карабкался по ступеням, как по плитам пирамиды Хеопса. В пятиэтажном доме отсутствовал лифт, зато имелись широкие ступени и мощные «антивандажные» перила. Такое чувство, что отяжелел на пару центнеров. Желудок раздувался, как гармошка. Он еле волочился, вцепившись в перила. Передохнул у подоконника, стараясь не влезть в свежую рвоту на батарее – кого-то качественно прополоскало. Двинулся дальше, хрипло напевая: «И уносит меня, и уносит меня...»

С площадки четвертого этажа доносилось сдавленное сопение. Пару лет назад так сопели, прижавшись к его двери, разнополюе отроки, решившие заняться сексом. Путь их пролегал на чердак, но, видимо, не дошли – любовь накрыла с головой. У Андрея в тот день было скверное настроение, он гнал совокупляющихся до первого этажа, а потом за свой поступок было и смешно, и стыдно... Сегодня под его дверью никто не предавался радостям соития. Напротив своей квартиры возился сосед, безуспешно пытаясь провернуть ручку – некто Полторашин, худосочный, лет пятидесяти, безвредный, бесконфликтный, глава семьи из двух человек и кошки (однажды объяснил, смущенно разведя руками: мол, жена так повелела – быть главой семьи). Он повернулся на шум, явив растерянную физиономию, немного расслабился, обнаружив знакомую личность. В руке он комкал пустой пакет с логотипом местного «хлопчатобумажного» бренда.

– Что случилось, сосед? – Андрей натужно пошутил. – Тебе в магазине не продали еду?

– А, это ты, Андрюха... – забубнил Полторашин. – Представляешь, ерунда какая... Благоверная за молоком отправила – ну, побежал, а магазин закрыт почему-то... Возвращаюсь... ну, чтобы получить дальнейшие указания – а Валюша не открывает. Стучу уже минут десять,

ручку дергаю, не слышит, что ли? А я, как назло, ключ не взял – ну, зачем, скажи на милость, брать ключ, если она дома, а я через десять мину приду?

– Логично, сосед, – согласился Андрей, утверждаясь на площадке. – Ключ в таких ситуациях брать не обязательно.

– И что теперь делать? – сокрушался сосед. – Боюсь, Андрюха, как бы с ней чего не случилось... Не открывает, зараза, зато Баська под порогом орет, как сумасшедшая, слышишь?

Можно и не прислушиваться. Отродье рода кошачьего, не дающее ему спать ночами своим кладбищенским мяуканьем, орало за дверью... как сумасшедшее.

– Слушай, а давай я с твоего балкона заберусь? – осенило соседа. – Ну, как в прошлый раз, помнишь – когда мы ключи потеряли? Там же хрен всего лететь... – И, не дождав-шись ответа, принялся тормозить Андрея, подталкивать к двери. Тот не возражал. Не успел войти в дышащую жаром прихожую, как сосед оттолкнул его, вторгся в квартиру и побежал по ковру в грязных ботинках. Заскрипели шпингалеты, Полторашин вывалился на балкон. Андрей разулся, сунулся вслед за ним, чтобы убедиться, что сосед не промахнулся. Тот уже карабкался по собственным перилам. Андрей вернулся в комнату и рухнул на диван. В квартире было душно, воздух застоялся, открытая балконная дверь проблему не решала. Он нащупал тумбочку, кнопку вентилятора. Под мерное гудение стало легче. Но снова навалились тоска и одиночество. Он обливался потом, скрипел зубами, боролся с приступами хандры. Пошарил по дивану, нашел пульт от телевизора. Загорелся экран, забубнил диктор новостного круглосуточного канала. Его слова практически не усваивались. На большей части земного шара установилась аномальная жара – даже в южном полушарии, где по идее зима. («Пингвины, что ли, жалуются?» – вяло подумал Андрей.) Страдают гипертоники, пожилые люди, медицинские учреждения работают круглосуточно, не справляясь с потоком больных. Тысячи людей уже скончались от жары. Эпидемии причудливых болезней – причем не только в желтой жаркой Африке, но и в благополучной Европе. Где-то медики уверены, что источником заражения является речная вода, где-то водопроводная... Тревожные сигналы со всех концов необъятного земного шара... Правительства многих стран, особенно правительство Российской Федерации, принимают срочные меры, чтобы ситуация не вышла из-под контроля. Министерство чрезвычайных ситуаций и другие экстренные службы работают круглосуточно...

Андрей выключил телевизор в тот момент, когда диктор начал кашлять, изменившись в лице. Соринка в рот попала... А едва настала тишина, уши уловили еще один посторонний звук. За стенкой надрывно выли. Чертова собака – даже в голову не пришло, что воет человек. И уж совсем прошло стороной, что данное событие может быть связано с соседом Полторашиным. Выть могли где угодно. Потом включилась дрель – теперь уже справа, в другом подъезде. Такая же надрывная, мерзкая, как бормашина. Она гудела, не переставая, мотая нервы, но хотя бы заглушила вой. Все в порядке, что за сосед без дрели?

Через пару минут он начал сходить с ума. В голове варилась и выплескивалась каша. «Хватит, – рассудил Андрей. – Выйди из этого, пока окончательно не разлучили с головой!» Он пружинисто поднялся, дошагал до ванной. Влез под душ и тщательно оттирал от себя всю мерзость первой половины дня. Брезгливо уставился на отражение в настенном зеркале. Взъерошенный, пока еще подтянутый субъект тридцати трех лет от роду, щеки ввалились, небритый, глаза потухшие – картинка не отвести глаз! Достиг гармонии духа и тела! Глаза бы не смотрели...

Он сплюнул с досады, намылил физиономию и принялся соскабливать густую щетину. Полчаса назад безумно хотелось домой, а сейчас хотелось из дома. Зачем он сюда приперся? Садись в машину, вали отсюда – за город, к реке, отвлекись, переночуй на природе – уж лучше, чем на кровати, где ты совсем недавно с Ритой занимался любовью! Стены ванной невыносимо давили. Казалось, из-за мягкой шторки выбирается рука Риты, мелодичный голосок просит передать ей шампунь – но только быстро и без хичкоковских штучек! Он познакомился с этой

девушкой два года назад, втрескался по уши. И не угасло за сто недель сильное чувство, лишь острее становилось, крепло, как молоденький бычок... До Риты он четыре года жил один, превратив свою квартиру непонятно во что. Первая жена сбежала с майором милиции – можно подумать, мало было поводов не любить правоохранительные органы. Он не сокрушался – семейная жизнь себя изжила, заводить детей Анжелика не собиралась – блюла фигуру. И квартиру не отсудила – собственность Андрея, наследство от покойных родителей...

Он уже заканчивал процесс нанесения свежих царапин на физиономию, когда в прихожей заверещал городской телефон. Чертыхнувшись, он утерся полотенцем и побрел на шум. Стационарные телефоны работали – в отличие от сотовых.

– Хотя здесь тебя нашел... – сварливо забурчал старый однокашник Шура Черепанов – врио главврач психиатрической больницы номер два. – Дурдом какой-то, сотовой связи нет, покоя в мире тоже нет... – И сделал паузу, отметив, что собеседник не реагирует. – Не узнал, что ли, старого друга?

– Вроде того, – вздохнул Андрей. – Чем меньше пью, тем хуже узнаю людей. Здравствуй, Шурик...

– То есть сегодня ты выпил мало, – предположил старинный приятель. – Не поверишь, дружище, как я рад тебя слышать... – Только сейчас Андрей обнаружил, что голос медицинского работника подозрительно подрагивает.

– Что-то случилось? – насторожился Андрей. – Ты где?

– Случилось, Андрюха... Мне очень жаль, я от души тебе сочувствую, соболезную... но час назад скончался в результате трагического случая отец Риты Иван Алексеевич... Мы не виноваты, Андрей, это действительно несчастный случай на фоне повального безумия...

Шура поперхнулся и замолк. Он все сказал. Андрей стоял в оцепенении, не мог найти подходящих слов. Уснувшая тоска опять просыпалась.

– Между нами говоря, он все равно был не жилец, – непонятно зачем добавил Шура. – Ты в курсе, что у человека был запущенный рак легких? Да и какая жизнь после того, как потерял последнего родного человека...

В последних словах было что-то циничное, но Андрей проглотил.

– Ясно, Шура... – сказать было нечего.

– Приезжай. Ты должен присутствовать. Сам же говорил, что у него не осталось никакой родни...

– Приеду, Шура.

– Знаешь... – Приятель снова помялся, потом высказал странную фразу: – Мне кажется, это не самое страшное, что могло с ним случиться... Да и вообще со всеми нами...

То ли фразу он выстроил неправильно, то ли зашифровал ее – до Андрея она не дошла. Впрочем, чему удивляться? Любая фраза до него бы сейчас не дошла.

– Извини, что спрашиваю... – снова как-то издалека начал Шурик, – но... ты как себя чувствуешь?

– Плохо, – буркнул Андрей.

– Что именно плохо? – встревожился Шура. – Понос, изжога, неконтролируемая рвота?

– Нет.

– Высокая температура, жар, аллергические реакции на то, что ранее воспринималось нормально?

– Нет.

– Приступы бешенства, паники, озноб, учащенное дыхание?

– Слушай, иди к черту.

– А что тогда? – не сдавался Шура.

– Жить не хочется, вот что, – отрезал Андрей и вдруг поймал себя на мысли, что после душа он чувствует себя абсолютно нормально – во всяком случае, физически. Нигде не болит, не ноет, голова не кружится, и в ней начинает что-то шевелиться – как бы даже не мысли.

– А, ну это нормально, – успокоился Шура. – Лишь бы не понос и не бешенство. А поднять свою тень и войти в Сумрак мы все хотим. Приезжай, Андрюша, жду.

– Да приеду я...

Он бросил трубку и застыл, ощущая всеми нервами звенящую тишину. Мурашки ползали по коже. Начал приходить в себя? Прими поздравления. Заглохла дрель в соседнем подъезде – видимо, ее владелец полностью высверлил кому-то мозг. С обратной стороны уже не были. С открытого балкона не поступало никаких вестей. Все это было больше чем странно. Он прислушался к ощущениям в организме – не начинается ли то, что перечислил Шура? Не начиналось. И чего сидим в опостылевшей квартире? Он начал метаться по шкафам, вытряхивал чистое белье, рубашку, джинсы. Облачался чуть не в панике – как будто неприятности уже высаживались в соседнем дворе и начинали замыкать кольцо. Деньги в борсетку, документы, перочинный ножик знаменитой швейцарской фирмы. Фляжку не брать, это приказ! Он швырнул остатки пойла на диван. Подлетел к компактному сейфу, вмурованному в стену, где хранил рабочую документацию. Документы решил не брать, сунул в карман несколько бумажек с мертвыми американскими президентами – на всякий случай. Уходя из дома, не забыл выключить электроприборы. Прежде чем сгинуть в прихожей, обозрел с тоской просторный зал, в котором провел всю свою сознательную жизнь. Откуда это тягостное чувство, что он сюда не вернется? Чушь. Он мотнул головой, вытряхивая из нее остатки дури. Он вернется еще сегодня. Может быть, завтра. Куда он денется? Заедет утром на кладбище и вернется. Если мир, конечно, к тому времени не встанет на дыбы. Он развернулся через левое плечо и, не оглядываясь, зашагал из квартиры.

Во дворе ничего не менялось. Только страшненький Смurfик (урод в своей бойцовой семье – доброе и безобидное создание) испарился вместе с поводком. Место пса заняла незнакомая молодая женщина – растрепанная, в мятой сорочке, глаза растерянно блуждали. Поводок у нее на шее не болтался, но вид был такой, что она тоже потеряла хозяина. Или прилетела с другой планеты и безуспешно пыталась сориентироваться в пространстве. Она хотела куда-то пойти, делала несколько шагов и погружалась в задумчивость. Затем поворачивала на сто восемьдесят и снова билась в неодолимую преграду. Сложно представить, что творилось у нее в голове под пышной прической. Сообразив, что и эта дорога не ведет к цели, она стала рыться в сумочке, достала телефон и стала звонить – при полном отсутствии связи! Но это не было помехой – она упрямо давила на клавиши и прикладывала телефон к уху. Ничего особенного, – резонно рассудил Андрей. – Существует хоть одна женщина, которая знает, чего она хочет? Кончилось тем, что девушка мазнула его взглядом, в котором сквозила начальная стадия безумия – сочла мужчину пустым местом, развернулась и побежала со двора. Андрей вздохнул с облегчением – как-то не хотелось, чтобы эта незнакомка стала знакомой – дошагал до машины, завелся...

Его дом находился в историческом центре мегаполиса. До больницы было три квартала. Он осваивал их, как минное поле, недоуменно констатируя, что приходит в себя, но лучше бы этого не делал. Не было повода оптимистично смотреть на мир. Трафик уменьшался, городская жизнь погружалась в анабиоз. На проспекте имени вождя мирового пролетариата возвышались помпезные деловые центры – за последние годы их налепили столько, что пора сносить. Парковки были забиты, многие машины стояли с открытыми дверями. «Где все люди? – недоумевал Андрей. – Куда попрятались?» У центрального фонтана тоже было малоллюдно – хотя именно здесь должно наблюдаться паломничество. Сновали унылые личности – их контуры расплывались в мареве зноя. Фонтан не работал – видно, кончилась вода. Он свернул в первый переулок Глинки и вскоре уже катил вдоль проржавевшего решетчатого забора. Загнал

машину за бойлерную у неухоженного сквера, стал искать лазейку. Лазеек здесь было больше, чем в законах Российской Федерации (Шура лично их показывал пару лет назад – после развеселой вечеринки в дурдоме). Вскоре он шагнул по дорожке, петляя между дебрями кустарника. Обходить все это несчастье к главному входу не было желания. Корпуса больницы построили лет 60 назад, в эпоху «великого и ужасного», они порядком обветшали, но смотрелись зловеще. Трехэтажные глыбы из красного кирпича, соединенные закрытыми переходами. В беседке кто-то был, бубнили голоса. Он сменил направление, обогнул главный корпус – сам не понимая, откуда это стойкое желание не встречаться с людьми. Главный корпус гудел, но на задворках было безлюдно. У крыльца курили плечистые санитары, угрюмо смотрели на него. Могли и не пустить, но пустили – на снулых физиономиях отчетливо читалось, что им по барабану.

– Куда? – буркнул мятый, с воспаленными глазами работник.

– К Черепанову, – буркнул в ответ Андрей. – Он ждет.

В узком «предбаннике» темнота облепила, как плесень. Потолки здоровые – звук шагов по каменному полу отлетал от потолка, как мяч. Он выбрался в широкий коридор с истосковавшимися по ремонту стенами и сразу повернул к лестнице. За спиной остался растревоженный улей, персонал и их клиенты с экстравагантными и не очень болезнями...

Шура Черепанов – коренастый, солидный, в меру упитанный блондин в несвежем халате, имеющий привычку по любому поводу презрительно выпячивать губы – рассматривал его с такой предвзятостью, словно собрался купить. Не поленился выбраться из-за стола, ощупать, обнюхать – поморщился, уловив от приятеля характерный запах. Минутой ранее он орал в телефонную трубку, что это психиатрическая лечебница, а не травмпункт, и уж тем более не инфекционная больница.

– Проверку прошел? – натянуто усмехнулся Андрей. – Мне уже больно? В рот посмотришь?

– Стой спокойно, – огрызнулся Шура, продолжая свои загадочные пассы. – Не дерзи и поменяй выражение лица, оно меня уже бесит. С тобой точно все в порядке?

– Нет, – помотал головой Андрей.

– Что такое? – забеспокоился Шура.

– Процессор полетел.

– Какой про... Блин, шутить изволишь, – раздраженно скривился Шура. – Ладно. – Он расслабился, и по уставшему лицу пробежала сеточка морщин. – Депрессия, похмелье, это нормально. Весь в трудах и невзгодах. Ладно, что только это... Слава богу, иначе говоря.

– Что-то происходит? – спросил Андрей.

– Представь себе, да, – удивился Шура. – Нужно быть слепым и глухим, чтобы этого не видеть. Вот скажи, как ты сюда доехал? – Шура отстранился, брезгливо махнув ладошкой, как бы намекая, что с детства не выносит запах перегара (от других).

– На автопилоте, – пожал плечами Андрей. – Не обращай внимания, дружище, все пройдет. Ты же знаешь, я пью в меру.

– Знаю, – кивнул Шура. – И прекрасно вижу, в какую меру ты вчера надубасился. Ладно, понимаю, каково тебе, не тупой, не деревянный... Прими еще раз соболезнования. Пошли. – Шура забрал со стола связку ключей, пачку сигарет, осмотрел напоследок свой невзрачный кабинет, явно не соответствующий статусу целого главврача большой «душевной» больницы. – Ты как сюда прошел?

– Через задний проход. – Беспокойство нарастало. Шура явно чего-то боялся и не испытывал большого желания покидать кабинет.

– Вот через него и пойдем, чтобы не видеть весь этот бедлам, – кивнул Шура. – Не привыкать нам по жизни все делать через задний проход...

И снова голова отделялась от тела, а в организме протекала неустанная борьба противоречий. Он ловил себя на мысли, что организм с чем-то борется и в принципе справляется. Шура торопился, тянул его за рукав. По коридору сновали люди в белых халатах, что-то вопрошали у Шуры. Он односложно отвечал, отмахивался. Лестница, знакомый «предбанник», черный ход и курящие санитары – но уже другие. Аллея в глубь территории, задняя сторона ограды, неказистое строение на задворках – больничный морг. Двое работников дымили со страдальческими минами под криворуким тополем. В облезлых помещениях, заставленных шкафами и каталками, царила спасительная прохлада – но желания здесь пожить почему-то не возникало. К людям, переехавшим в мир иной, могли бы относиться уважительнее. Тела лежали в беспорядке, наспех прикрытые простынями. Работник морга с ввевшейся в физиономию серостью отогнул простыню и отвернулся. Освещение было скудное, но его хватало. За прошедшую неделю со дня гибели дочери Иван Алексеевич Сурин сильно исхудал, ни разу не брился. Щетина торчком, складками висела дряблая кожа. Глаза его были закрыты, на лице застыла смиренная скорбь. В верхней части височной области выделялась багровая короста – смерть наступила в результате воздействия внешних факторов.

– Что случилось, Шура? – пробормотал он.

– Не знаю, дружище... – стыдливо бубнил приятель, пряча глаза. – Этому нет объяснения – как и всему, что сейчас творится... Ты же знаешь, он лежал под моим присмотром, я лично его наблюдал и назначал курс лечения... У Ивана Алексеевича была клиническая депрессия – типичное аффективное расстройство. Вся ярко выраженная «депрессивная триада» – нарушение мышления, двигательная заторможенность, полная утрата способности что-то переживать. Он ничего не замечал, не ел – приходилось кормить принудительно. Он был абсолютно безобиден и тих... В палате, помимо Ивана Алексеевича, лежали еще двое со схожими диагнозами. Буйных там не было. Все случилось сегодня утром, часов в шесть. Его вдруг затрясло, кожные покровы резко покраснели, глаза вращались – во всяком случае, эти двое так рассказывали. Они проснулись от его рычания и воплей... Санитары вбежали поздно – проспали, козлы... Когда они явились, в Ивана Алексеевича уже бес вселился. На соседей по палате он не бросался, но был в явном неадеквате. Рвота, бессвязный лепет, перевернул зачем-то свою кровать... Санитары бросились, чтобы его зафиксировать, он побежал к окну, оступился, ударился виском о подоконник... Прости, Андрей, можешь, конечно, вчинить иск к больнице или лично мне набить морду – ведь я обещал одно, а допустил такое... Но, видит бог, это трагическая случайность, это не должно было случиться...

Шура замолчал. Он действительно был расстроен. Работник морга подавил зевок и вернул простыню на место, хотя никто его не просил. Андрей почувствовал облегчение – спасибо, товарищ.

– У истории было продолжение, – глухо вещал Шура. Со стороны казалось, что капельки пота у него на лбу превратились в льдинки и прилипли к коже. – Иван Алексеевич не одинок в своей участи. В девять утра схожая история приключилась со вторым обитателем несчастливой палаты – неким Анищенко. Он впал в буйство, при этом облил всех присутствующих рвотой, ругался, как прапорщик, накинудся на третьего бедолагу. Но санитары уже не дремали – прибыли и зафиксировали, как говорится... вернее, как поется. Ничем хорошим это не кончилось – Анищенко активно конвульсировал и через пару минут скончался в жутких корчах – думаю, не выдержало сердце, хотя, возможно, имелись другие причины, покажет только вскрытие...

– А третий? – Андрей сглотнул.

– Третьего перевели в соседний корпус, в палате провели дезинфекцию... – Шура яростно растирал ладонью лоб. – Но все это мартышкин труд... – Он уронил руку и поднял глаза, окруженные синью мешков. На лбу остались красноватые вдавлины. – За прошедшие сутки в нашей больнице скончались восемь человек – больше, чем за весь прошлый год. Большинство летальных исходов не поддается никакому разумному объяснению. Людям без при-

чин становилось плохо – у кого-то был жар, другие начинали биться в падучей, не имея никакой предрасположенности к эпилепсии...

– Полицию вызывали? – Андрей кивнул на укрытое тело Ивана Алексеевича.

– По каждому эпизоду ставили в известность правоохранительные органы, – отмахнулся Шура. – Полиция приезжала лишь однажды – по первому вызову. Прибыли какие-то снулые, составили протокол, даже разбираться не стали. Больше не приезжали.

– Почему?

– А я знаю? – сорвался Шура. – Может, они сами все передохли! Ладно, извини. Пошли отсюда. Пойдем ко мне, помянем Ивана Алексеевича, царствие ему небесное... Уже можно, смена кончилась, в четыре Алябин заступает, пусть тащит этот воз. Ты же не торопишься домой?

И вновь заброшенный садик на задворках главного корпуса, вестибюль, коридор, наполненный суетливой больничной жизнью. Сновали пациенты в длинных пижамах. Кто-то визгливо кричал о наступающем царствии Тьмы. Метались люди в больничной униформе с озабоченными лицами. Шура кивнул на лавочку у стены – посиди, мол, не скучай, – а сам куда-то умчался с развевающимися полами халата. На Андрея никто не обращал внимания. Небритые санитары провезли на каталке тело – один из работников безостановочно кашлял, второй злобно шикал на коллегу. Андрей попятился к стене, невольно задумался: а что он здесь делает? Не пора ли выдумывать неотложные дела? Пока он колебался, вернулся Шура – натянутый нерв, буркнул, что все в порядке, пост сдал, можно расслабиться, но начальство повелело больницу не покидать – и потащил его к лестнице. Но не наверх, где был рабочий кабинет, а куда-то в подвал. Спустившись вниз, Андрей обнаружил длинный коридор по всей длине здания и несколько закрытых дверей.

– Хозблок, – буркнул Шура, вталкивая его в третью по счету дверь. – Склады, лаборатории, комнаты отдыха персонала из числа санитаров и прочая херня – а также мое резервное «бомбоубежище». Прошу любить.

Шура заперся и отдышался. Выхватил платок из кармана, стал усердно утирать лоб. Затем спохватился, щелкнул тумблером рядом с выключателем. Утробно загудел кондиционер над дверью. Через пару минут стало комфортно. Андрей с любопытством озирался. Помещение небольшое, но уютное. Видимо, в этой камерке Шура находил успокоение от непосильной работы, а еще упивался мирскими утехами со своими прелестными коллегами. То, что Шура не ангел, было написано на его физиономии. Читать с его лица умели все – кроме родной жены, пребывающей в наивной уверенности, что ее муж – эталонный образец верности. В помещении имелись шкафы, стеклянный столик, мягкие кресла, обитые искусственной кожей, мягкий диван, способный в два приема преобразиться в «испытательный полигон». На стене рядом с дверью висела коробка интеркома, подмигивая зеленым огоньком. Испустив продолжительный вздох, Шура добрал до шкафа, вернулся, виртуозно неся в одной руке бутылку французского коньяка с двумя бокалами, в другой упаковку яблок и палку сырокопченой колбасы. Развалился в кресле и, скорбно поджав губы, наблюдал, как Андрей перочинным ножом кромсает снесь и разливает коньяк.

– Надоело все, – доверительно поведал Шура. – И без этих проблем – работаю, как Штирлиц, на две Ставки, света белого не вижу. Прошлой ночью поспал три часа, все кости отдавал на этой тюремной шконке... Эх, коррумпироваться бы сейчас... – мечтательно вздохнул приятель.

– Ты еще не коррумпировался? – Андрей удивленно покосился на коньяк, цена которому была не три и даже не пять тысяч.

– Это за работу, – отмахнулся Шура. – Заслужил. Ты все равно не поймешь, о чем речь. Это не работа, это хуже, чем урановые рудники в тридцатиградусный мороз под пулеметным

огнем... Ладно, давай, не чокаясь. – Шура поднял подрагивающей рукой длинноногий бокал. – За упокой души Ивана Алексеевича, хороший был мужик, светлая ему память...

Выпили и погрузились в угрюмую задумчивость. Минуты через две Шура встрепенулся, строго уставился на приятеля.

– И чего сидим? Между первой и второй уже состав прогремел. Давай, дружок, раздавай продукт – для профилактики гриппа, так сказать...

Выпили по второй, сомкнув богемский хрусталь. Шура почавкал колбасой, откинулся, сделав блаженную физиономию.

– Вот так-то лучше... Ты знаешь, что такое отдых?

– Догадываюсь, – проворчал Андрей.

– Мимо, – покрутил указательным пальцем Шура. – Отдых – это такая работа, за которую ты не получаешь денег. По третьей?

– Не гони. – Мысль о брошенной под оградой «Хонде» пришлась очень кстати. – Что происходит, Шура? В последние дни я немного отсутствовал в этом мире.

Шура раздраженно выпятил губы и принял напряженную позу – недолго продлился так называемый отдых.

– Ты, приятель, походу слепой, глухой и тупой... Восьмой из умерших в больнице – санитар по фамилии Соловцев. Мужик с богатырским здоровьем. Ни на что не жаловался. Пошел в туалет по малой нужде – его нашли через десять минут с опухшим лицом. Бачок свернут, крышка вдребезги. Это инфекция, Андрей, она разит без разбора...

– Может, есть смысл закрыть больницу, ввести строгий карантин?

– Но это везде, – удивленно посмотрел на него приятель. – При чем здесь больница? Инфекция шагает семимильными шагами – по городу, по стране, по необъятному глобусу. Новости не слушаешь? Ах, прости, ты же отсутствовал в этом мире... Можешь закрыться в квартире, запереться от всего мира – не думаю, что спасешься. Это не от жары, но уверен, что высокая температура служит катализатором, ускоряет процесс протекания инфекции. Она выражается по-разному – у кого-то прогрессирует вялость, кто-то впадает в иступление. Жар, ломота в костях, изжога, удушье или рвота. Инкубационный период разнится – в силу неведомых обстоятельств. Люди заболевают массово. В городе забиты все инфекционные больницы, мрут сотнями. Сомневаюсь, что заражение идет каким-то специфическим образом – через воду или, скажем, контакты с животными. Зараза носится в воздухе, и тут уж как повезет. – Шура поежился. – Можно, конечно, заняться «самолечением» – что мы, собственно, и делаем, носить марлевые повязки, воздержаться от контактов с людьми, но где гарантия?

– Мы тоже можем заразиться? – вздрогнул Андрей.

– А чем мы лучше других? – хмыкнул Шура.

– А почему ты про грипп упомянул? Ради красного словца? Вроде не сезон для эпидемии. Да и симптомы разнятся. От гриппа, знаешь ли, с ума не сходят, кровати не переворачивают...

– Что мы знаем о типах этой болезни? – пожал плечами Шура. – Только в наше время выявлено более двухсот вариантов вируса гриппа. Птичий, свиной, кошачий, козий, желудочный... Знаменитая испанка, от которой сто лет назад вымерли почти 100 миллионов человек, тоже была разновидностью гриппа. Вирус мутирует, приобретает причудливые формы, может в один прекрасный год ударить не только по дыхательным путям, но и в голову. Медицина научилась его лечить, но хронически не поспевает за мутациями. Помнишь зимнюю эпидемию?

– Помню, – поежился Андрей. – На собственной шкуре испытал. Температура за сорок, рожа красная, как у Деда Мороза, постоянно рвет и трясет... Думал, что не выживу. Рита с работы отпрашивалась, чтобы со мной сидеть, так я гнал ее из дома – боялся, что от меня заразится. Полторы недели в аду. Реально думал, что коньки отброшу. Потом еще две недели с трудом ноги волочил. Как вспомню, так мороз по коже.

– И я славно побюллетенил, – подхватил Шура. – Лечился, как положено – интерферон, физиологические растворы, все дела. И тоже Ольгу с малой гнал из дома – и выгнал в итоге, спровадил к теще в Муравьево.

Шура задумался. Упоминание о жене с дочерью натолкнуло на мысль. Он вытащил сотовый телефон, глянул на экран и швырнул его на тахту.

– Но мы в подвале, – резонно заметил Андрей.

– Да хоть в шахте «Распадская», – огрызнулся Шура. – Здесь есть сотовая связь. Это не бункер, где сплошной бетон. Вернее, была бы сотовая связь, если бы она была... Вот дьявол, – зашелкал пальцами приятель. – Хорошо хоть свет еще не отрубили. И воду в кране. – Он опасно покосился на закуток, где имелись умывальник с душевой кабиной и крохотный туалет.

– Семья-то дома? – поинтересовался Андрей.

– В Мармарисе, – немного смутился Шура. – Курорт такой в Турции. Отправил на заслуженный отдых, а сам пашу за семерых. Девять дней из пятнадцати уже отдохнули. Прости, что не стал говорить тебе тогда... И как прикажешь до них дозвониться? А вдруг что-то не в порядке?

– Но там, наверное, все тихо... – неуверенно начал Андрей.

– Да нигде не тихо, – вспыхнул Шура. – По всему миру похожая хрень – где-то больше, где-то меньше... Ладно, будем надеяться на лучшее. Вчера, по крайней мере, с ними все было в порядке.

Он вздрогнул – застучали в дверь. Качнулся наполненный бокал, едва не выпал из ослабевших пальцев.

– Ну, что еще?! – взорвался Шура. – Моя смена кончилась!

Дверь он оставил незапертой. Посетитель не стал дожидаться, пока он изволит войти, приоткрыл сам. Возник курносый носик, затем пара смысленных, но испуганных глаз, появилась их обладательница – интересная женщина лет двадцати пяти, с затянутыми в узел пепельными волосами и халатике, подчеркивающим все, что нужно. Фигура у девушки была такая, что смотреть в глаза уже было бессмысленно. Впрочем, и кукольное личико оказалось довольно милым.

– Танюша? – пробормотал Шура и смущенно кашлянул, покосившись на Андрея. – Вы что-то хотели, Татьяна Сергеевна?

Женщина вошла и сказала приятным грудным контральто:

– Ой, здарсьте... – Скользнула по Андрею заинтересованным взглядом. – Тут это самое, Саша... в смысле, Александр Васильевич... – И замялась.

Шура воспользовался паузой, чтобы представить коллегу:

– Татьяна. Как ни странно, Ларина. Верная помощница, замечательный, хотя и молодой специалист в своей области...

«Интересно, в какой?» – подумал Андрей.

– Ах, оставьте, Александр Васильевич... – Скулы женщины побелели – то ли от смущения, то ли от нежелания сообщать очередную неприятную новость. – Вот вы тут сидите, можно сказать, отдыхаете, а там такое творится...

– По порядку, Танюша, – перебил Шурик.

– По порядку можно было вчера, – зачастила женщина. – А сегодня полный беспорядок и анархия... Полиция так и не прибыла... Исчез доктор Гарин из отделения инфузионной терапии, его нигде не могут найти... В палате номер восемь обнаружены два тела – это пациенты, с ними проводил психотерапевтические сеансы доктор Юнгер. Скончались, по внешним признакам, от удушья... В полиции не берут трубку. Пациенты разбегаются, их никто не может удержать. Сестринский персонал тоже не собрать, санитары не знают, чьи распоряжения выполнять. В третьем отделении был пожар, кто-то успел сдернуть огнетушитель и все залил... Александр Васильевич, миленький... – Татьяна умоляюще прижала руки к груди, – сделайте

хоть что-нибудь, обуздайте этот бардак. Я знаю, что ваша смена закончилась, но должен же кто-то это прекратить! Вас сменил Алябин, где он? Его тоже не могут найти. Что происходит, Александр Васильевич? – «Верная помощница» сделала квадратные глаза. – В город не дозвониться, выходить туда страшно. Пять минут назад в больницу прибежали двое испуганных молодых людей, умоляли их не выгонять, говорили, что за ними гнались какие-то психи, которые крушили все подряд...

«В психбольнице прячутся от психов?» – мысленно удивился Андрей.

– Пойдемте, Александр Васильевич, – умоляла Татьяна. – Не знаете, что делать – так наорите на это стадо, вы же умеете орать. Или разгоните нас к чертовой бабушке, но чтобы это было официальное распоряжение... Боже, несколько минут назад стало плохо доктору Бурденко – у него лицо одеревенело, весь трясется, слова вымолвить не может – никто не понимает, что он хочет сказать. Дозвониться до «скорой» невозможно, не срабатывают даже городские телефоны. Его положили в ординаторской, медсестры пытаются привести его в чувство...

– Ну, клиника! Пойдем, Танюша. – Шура засуетился, начал выбираться из кресла, расплескал коньяк, остатки выпил. – Андрей, сиди здесь и ни шагу. Хотя ты и так никуда не пойдешь, потому что я дверь закрою... – Шура злорадно осклабился и вытолкнул Татьяну в коридор. Провернулся ключ в замке.

Дверь не отличалась особой прочностью, он бы выбил ее при нужде, но пока сидел, не шевелился. Что за чертовщина в городе? Он слышал, как удаляются шаги, уплотняется тишина. Лишь размеренный гул кондиционера напоминал о том, что он не в склепе. Может, сон? Многоходовая галлюцинация с сюжетом? Он ущипнул себя за ухо – самый здравый поступок в данной ситуации. Несколько минут он сидел неподвижно, боясь шевелиться. Похоже, он заразился всеобщей фобией. Минуты тянулись, как покалеченные гусеницы. В коридоре было тихо, звуки с первого этажа в подвал не проникали. Он потянулся к коньяку, плеснул в бокал и выпил, не глядя. Не помогло, нервы продолжали шалить. Он плеснул еще – в бутылке оставалось на три пальца. Вылакал, закусил сморщенным символом компании «Эппл», дал себе зарок, что больше пить не будет. Как шутили в школе – ждем еще двадцать минут и уходим...

Когда вернулся взмыленный Шура Черепанов, Андрей уже порядком нагрузился – растекаясь в кресле, перекатывал ногой пустую бутылку.

– Ну, конечно, – всплеснул руками Шура. – Дай козлу капусту и уйди. Входи, Танюша. – Он втащил в каморку бледную женщину, запер дверь. Работница доковыляла до дивана на негнущихся ногах, скинула туфли, забралась с ногами. Она была бледна, глубокие носогубные складки, обрисовались на кукольной мордашке.

Из «волшебного» шкафа образовалась вторая бутылка коньяка – Шура наполнил свой бокал до краев, осушил в один присест, жадно навалился на колбасу.

– Повествуй, – предложил Андрей.

– Вот только не грузи меня, ладно? – всколыхнулся Шура. – Потерпишь, дай в себя прийти.

– Тогда вопрос, – вздохнул Андрей. – Здесь, конечно, очень мило, есть выпить, закусить, компания подходящая, но не стоит ли отсюда побыстрее свалить?

– Не стоит, – мрачно огрызнулся Шура. – Отсидимся, в этой барокамере безопаснее, чем снаружи. Не самое взвешенное решение – выходить сейчас в город, понимаешь?

– Не совсем, – признался Андрей.

– Поверь на слово. – Шура некультурно срыгнул, покосился на вздыхающую Татьяну. – Третьей будешь, Танюша? Ты просто обязана выпить.

– Я попозже, Сашенька, ладно? – Она вздохнула, пристраивая кулачок под щеку. – Ведь это не последняя бутылка, верно?

– Даже не предпоследняя, – ухмыльнулся Шура, наполняя бокалы. – От похмелья не погибнем. А если надо, и провиант найдем.

– А если свет отключат? – допустил Андрей.

– Ну, хватит, – скрипнул зубами Шура, отправляя в организм очередную дозу. – Без вас, Андрей Михайлович, знаете ли, тошнит. Персонал больницы практически весь разбежался, остались самые стойкие и те, кто боится увольнения. Часть больных заперли в палатах, другие вырвались на волю и где-то гуляют. В палатах, в коридорах... блин, повсюду – валяются трупы, черт, невероятно... У кого-то крышу сносит, в драку бросаются... Алябин пропал, доктор Гарин пропал, Бурденко скончался – дьявол, он ведь только неделю назад защитил кандидатскую. «Поляну» накрывал в «Созвездии рыб»... Сначала был массовый исход из больницы, потом многие вернулись обратно – рассказывают, что по проспекту Ленина носятся какие-то озверевшие толпы, бьют витрины, терзают мирных прохожих... Машины давят народ, повсюду заторы, люди не могут вырваться из города, в соседнем квартале горит супермаркет «Антей»...

– И это ты называешь эпидемией гриппа? – осторожно поинтересовался Андрей.

– Да никак я это не называю! – хлопнул кулаком Шура. – Я до последнего надеюсь, что сплю! Это то, чего не может быть, только в кино! В городе паника, телефонная связь не работает, Интернет не работает, электричество есть, но последние капли... Послушай, Андрей... – Шура с ужасом уставился на товарища, – люди в случайном порядке прямо на глазах превращаются в черт знает кого. Мы сами с Татьяной это видели – молодого практиканта из мединститута парализовало, он в мумию превратился – весь белый, физиономия кривая, глаза навыкате. Потом ожил, давай рычать, сначала на стенку бросался, потом на санитаря Осипчука. Но с Осипчуком такие номера не проходят, сразу в челюсть – и кирдык... Вот же хрень... – Шуру нешуточно затрясло. – Мы ведь тоже можем в любую минуту подхватить эту заразу... Дюша, ты бы что предпочел – сразу сдохнуть или впасть в буйство, бросаться на всех, как зомби? Ты уж следи за мной, ладно? – Шура демонически осклабился, от тяжелой работы лицевых мышц слюна закапала с губ. – Вдруг начну преобразаться – так ты меня сразу бутылкой по башке...

– Мы все умрем? – промолвила с дивана Татьяна.

– Ну, что вы несете? – застонал Андрей, хватаясь за голову. Он уже трезвел, организм воспринимал коньяк, как воду. – Это же Россия двадцать первого века, а не какой-нибудь «Рассвет живых мертвецов»... Ребята, вы совсем-то белены не объедайтесь.

«А может, они разыгрывают меня? – вдруг подумал Андрей. – Решили приколоться, пошептались, а теперь стараются. А на самом деле в больнице все штатно, врачи работают, психи болеют, а то, что ты видел – компот из белой горячки и случайных совпадений...»

– Кстати, насчет белены, – вспомнил Шура. – Наверху, в четвертом отделении – у нас там самая настоящая «палата лордов», депутаты изволят врачеваться, чиновники, представители богемы – несколько человек реально сошли с ума. То есть полностью свихнулись.

– В дурдоме кто-то сошел с ума? – засомневался Андрей.

– А что ты удивляешься? – возразил Шура. – Это миф, что в психбольницах обитают сплошь клинические психи, лыка не вяжущие и бросающиеся на все живое, чтобы причинить ему вред. Обычные люди – на вид вполне вменяемые. Ну... почти. А депутаты и чиновники тоже подвержены душевным недугам. И хоромы у них наверху почти царские, простым смертным туда дорога заказана. Знаешь, кто лежит? – Шура сделал заговорщицкую мину и понизил зачем-то голос: – Сам Аскольд Вятский, слышал о таком? Журналист и глава единственного так называемого светского городского издания «Облик». Ну, что-то вроде гламурной светской хроники. Выходит в Интернете и издается типографским способом. Наш местный светский лев – что-то вроде Ксюши Собчак, только не в Москве, а на Урале. Завсегдатай пафосных вечеринок, видный метросексуал, атрибут гламурных скандалов и разборок... Он даже депутатом чуть по пьяни не стал, слава богу, знатный металлург его обошел на три процента. И у такого человечика тяжелый нервный срыв. Переутомился, представляешь? Работа нервная, времени свободного почти нет. Слетел с катушек – разбил в квартире все хрупкое и нежное, а то, что не смог разбить, начал с одиннадцатого этажа выбрасывать – кресла, тумбочки, радиотехнику...

Разбил четыре машины, троих покалечил – ну, адвокаты и подсустились, чтобы вместо тюрьмы его отправили отдохнуть в психушку. И никакой он, между нами говоря, не Аскольд Вятский. Творческий псевдоним, чтобы народ не смеялся. Вася Хрюкин его фамилия. О чем это я? – Шура задумался. – Нет, с Аскольдушкой все в порядке, в сортире спрятался, отсиделся. А депутат облсовета Лапласов и замглавы департамента мэрии Шурило славно зажгли. Крыша у мужчин свалилась. Палату разорили – а там обстановки и техники на полмиллиона, набросились, остервеневшие, на прибывших санитаров, одному Шурило руку прокусил, другому Лапласов чуть голову не открутил по часовой стрелке... В общем, уволью обоих, – сокрушенно вздохнул Шура. – Санитаров, разумеется. Если все благополучно разрешится. Ну, где это видано, чтобы таких уважаемых людей перерабатывать в фарш...

Все происходящее было вершиной абсурда. Несколько раз Андрей порывался выйти из комнаты (бог с ней, с машиной, уедет на такси), но так и не воплотил простое желание в жизнь.

– Ладно, – пьяным голосом сообщил Шура, извлекая из «запасников» третью бутылку с жизнеутверждающей наклейкой «Мартель». – Как говорил царь Соломон: «Всё фигня». Все пройдет, пройдет и это.

– Согласен, – кивнул Андрей. – Проще надо к жизни относиться.

– Фигня? – икнула с дивана Татьяна. – Проще надо относиться? Мужики, вы от жизни-то не отрывайтесь. Тут такое, может, нам жить осталось с гулькиным носом... – Она едва не захлебнулась от волнения, тяжело дышала с выпученными глазами.

– Да ладно, Танюша, успокойся, – миролюбиво буркнул Шура. – Чему быть, того не миновать. Ну, хочешь, марлевую повязку надень, смочи ее в растворе – это там, – кивнул он на шкаф. – И давай подсаживайся, – он многозначительно погладил ладошкой подлокотник. – Долго нам еще бобылями тут сидеть?

Похмелье было ужасное. Он мучительно долго приходил в себя. Открыл глаза, недоверчиво воззрился на подмигивающую люминесцентную лампу. Свет пока не отключили, но напряжение прыгало, лампа моргала и слегка потрескивала. На столе царил бардак, под столом валялись бутылки, рваные обертки. Одно из кресел перевернули и бросили. Мамай пришел. Страдальчески вздохнув, он поднял отяжелевшую руку с часами. Половина восьмого утра. До свидания, суббота, здравствуй, красный день календаря. Опять он нажрался, как скотина. Может, хватит уже синячить? Он спал на диване в неудобной позе – ноги на полу, голова под диванной подушкой. Хорошо, что не наоборот. Под мышкой посапывала опухшая Татьяна. Поза женщины тоже не отличалась изяществом – головой уперлась в Андрея, ноги покоились на Шуре, которого мертвецкий сон сразил на другом конце дивана. Причудливое трио. А вроде приличные на вид люди... Несколько минут он пытался вспомнить, что было вчера. Простые русские вопросы: Кто виноват? Что делать? Что было вчера? Получался какой-то триллер. Надо же допить до такого.

По коридору кто-то пробежал. Потом еще – двое или трое. После паузы в глубине коридора раздался истошный вопль, от которого мурашки побежали по коже. Привстала Татьяна, уставилась на Андрея, как на воплощение самой страшной нежити. Заворошился Шура, которому женский каблучок уперся в подбородок. Мотнул головой, стряхнул с волос прилипшую колбасную обертку.

– Что за хрень, дамы и господа?

– Тише... – прохрипел Андрей.

Повторился вопль – сделался прерывистым, затухал. В коридоре кто-то возился, кричал. Потом опять послышались шаги. Затряслась дверь – снаружи безуспешно пытались ее открыть. Голосовые связки при этом не задействовали. Дверь не поддавалась. Шура машинально начал вставать, но застыл, когда Андрей приложил палец к губам. Шура задумался, кажется, начал что-то вспоминать. Слипшиеся волосы на макушке врио главврача зашевелились самым нату-

ральным образом. Задрожала Татьяна, прижала ладонь ко рту. Выламывать дверь не стали, но какое-то время прислушивались, нет ли кого внутри. Люди хранили молчание, пожирали друг друга глазами. Субъект за дверью перестал упорствовать и побрел прочь, волоча ноги. Его уход сопровождался каким-то странным утробным рычанием. Настала тишина.

– Ой, мамочка, – прошептала Татьяна.

– Ну, да, дичь, – прокряхтел Шура, сползая с дивана. – Чем дальше, тем увлекательнее, блин...

Он доковылял до туалета в глубине ниши, где не задержался, пустил струю в рукомойнике, пофыркал. Не сказать, что он вернулся посвежевшим. Хмуро уставился на приметы вчерашнего пиршества, особенно на пустые бутылки, которыми кто-то, похоже, жонглировал. Доковылял до шкафа, вынул четвертую бутылку и взгромоздил на стол. Остальные помалкивали – описанные действия не вызывали у присутствующих возражения. Впрочем, Шура был зол и на других плевать хотел. Он плеснул в бокал только себе и вылакал, запрокинув голову. И едва пристроил бокал на стол, как в коридоре вновь образовался шум. Бежали несколько человек. Протопали мимо, потом была короткая возня, и вся компания побежала обратно, издавая урчащие звуки. Шура замер с открытым ртом, и остальных сразила столбовая болезнь. Топот затих – бегуны добрались до лестницы. С Шурой что-то приключилось – он яростно тряс головой, дернулся, шагнул к двери. Не успели хором запротестовать, как он провернул собачку замка, начал приоткрывать дверь.

И только он это сделал, как в коридоре что-то прощуршалось, дверь распахнулась, ударив и отпихнув Шуру! Он отлетел, шлепнулся на пятую точку. А в помещение внесся какой-то чернявый типчик в полосатой пижаме. Он споткнулся о порожек, замахал руками и проделал беспосадочный перелет до стола. Избежать увечий, кажется, удалось – сгруппировался в полете, рухнул грамотно, откинув руку. «Летательный исход», – озадаченно подумал Андрей. Он уже давно не валялся на диване. Внезапная сила оторвала от подушек, швырнула вперед. Он подлетел к двери, заперся, повернулся, сжимая кулаки. Подпрыгнул Шура, тоже принял стойку.

Настала тишина. Все застыли – пауза в видеоряде. В коридоре было тихо. Только Татьяна сидела на диване, обняв себя за плечи, и выстукивала зубами польку. Новоприбывший недоверчиво посмотрел по сторонам и сел на колени. Он смотрелся диковато. Жизнь мужчину не баловала – и не только в последние минуты. Еще молодой, не больше тридцати, взъерошенный, с крючковатым носом. Пунцовые пятна цвели на искаженной физиономии. Моргали глаза в синеве мешков и складок. Темные волосы торчали, как у пораженного током. Он быстро ошупал себя, как-то задумался, пожал плечами. Агрессивных намерений посетитель не проявлял. Дрогнули кулаки, которыми Шура, увлекавшийся в молодости боксом, собрался искалечить визитера – разжались и упали.

– А это что за мелкий бес? – пробормотал Андрей, отрываясь от двери.

Нервно хихикнула Татьяна, сползая с дивана.

– О, боже... у меня был такой же чертик на зеркале заднего вида...

– Спасибо, милочка, – пробормотал чернявый, отыскивая ее глазами, в которых стало появляться что-то осмысленное. – Ты так любезна...

– Витек, ты в порядке? – помедлив, спросил Шура.

– Вашими молитвами, Александр Васильевич, – фыркнул чернявый. Он уже перестал себя ошупывать, встал на корточки и начал приглаживать непокорные волосы. Потом глаза его заматались, словно лошади в горящей конюшне – парень начал приходить в себя. – Ну, египетская пирамида... – протянул он вибрирующим шепотом. – Вторая серия, блин...

– Чего вторая серия? – не понял Андрей.

– Витек, что там было? – глухо спросил Шура, показывая взглядом на дверь.

– Не скажу, Александр Васильевич. А то потом не интересно будет. Мама дорогая, неужто я снова вляпался? – Он поднял жалобные глаза на Шуру. – Александр Васильевич, за мной опять два зайца погнались... Когда же это кончится, ну, скажите? Как в реале, блин...

– Кстати, просьба заценить, – вздохнул Шура. – Виктор Карташов, потомственный алкоголик и тунеядец. Асоциальный опустившийся тип, хотя когда-то разбирался в компьютерах и даже работал программистом. Ни семьи, ни работы, жена ушла и правильно сделала. В квартире – сральник, пропил даже обои. Загребел в больницу неделю назад с острым приступом белой горячки после пятидневного запоя. Живет на девятом этаже. Вообразил, что его квартира подверглась нашествию грабителей-скалолазов. С балкона проникли двое в масках и стали циничным образом грабить Витька – видимо, присвоили последний стакан и штопор. Он видел их, как нас с вами. Витек расстроился, но оказал достойный отпор грабителям. Даже «избитые», они решительно отказывались уходить. Тогда Витек, будучи законопослушным гражданином, как был босиком, выбежал из квартиры и помчался в ближайшее отделение полиции писать заявление о том, что его ограбили. Кричал, что его никто не понимает, бросался на людей в погонах, которые не давали ему ручку. К чести сотрудников полиции, Витька почти не били. Посмеялись, вызвали медиков, и Витька, естественно, повезли в психушку. Первый день он строчил кляузы в Страсбургский суд – на черствость медицинских и полицейских работников и всемирный масонский заговор. Потом успокоился, понял, что неправ.

– Ну, вы и презентовали меня, Александр Васильевич, – сконфуженно пробормотал Витек, с интересом уставившись на бутылку посреди стола. – Да ладно, проехали, я все понял, можете выписывать – вместе со всем моим уникальным набором хронических заболеваний... Я выпью, Александр Васильевич? – Витек умоляюще посмотрел на Шуру. – Ну, пожалуйста, Александр Васильевич, сил моих больше нет. Ну, нельзя так долго находиться трезвым, поймите элементарную вещь...

К изумлению присутствующих, Шура воздержался от решительного «нет», а лишь устало махнул рукой – делай что хочешь – и побрел, спотыкаясь, на диван. Витек обрадовался, подлетел к бутылке, наполнил бокал почти до краев и жадно присосался. Интенсивное недельное лечение на пользу не пошло. Витек расслабился, виновато заулыбался – человек на глазах рождался заново.

– Спасибо, Александр Васильевич...

– Отработаешь, – устало буркнул Шура, закрывая глаза.

– Александр Васильевич, зачем вы разрешили ему выпить? – с укором сказала Татьяна. – Таких субъектов на километр к бутылке подпускать нельзя.

– А ты ничего, крошка, – фамильярно подмигнул ей Витек. – Даже без поллитры ничего. Ты, кстати, знаешь, что эта грудь, что на тебе, очень тебе идет?

Татьяна возмущенно закудаhtала, стала прикрываться, хотя была одета.

– Витек, а ну без пошлостей, – предупредил Шура. – А то наплюю на кодекс медицинского работника, отхватишь у меня дюлей.

– Излагай, Витек, – проворчал Андрей. – Что там было? Да веди себя прилично, а то обротно выставим.

Виктор Карташов был законопослушным гражданином. Разбитной, острый на язык, не дурак заколдырить, полностью потерянный для общественно-полезной жизни, но, в сущности, безвредный. Какое-то время он собирал в кучку разрозненные воспоминания, комментируя процесс визгливыми выкриками в духе: «Вот же хрень», «я фигею», «снова белочка моя» – после чего начал повествовать, на удивление связно и не без юмора. Он до сих пор не исключает, что это рецидив белой горячки, но почему тогда тут прячутся эти трое, почему они испуганы и не считают его психом? Потому что сами психи? «Ряженные» зомби слоняются по больнице, спотыкаются о трупы, все нормальные люди давно разбежались или погибли... Вчера в его палате, где проходят лечение такие же достойные люди, творилась форменная вакханалия.

Двое впали в неистовство, обливались пеной, прибывшая медсестра у одного из них констатировала жар, у другого... чуть не трупное окоченение. Как такое возможно? Ну, Витек не медик. И вообще, он подозревает, что медицина в данном случае бессильна. Обоих заболевших санитары на носилках оттащили в изолятор, а вскоре такая же неприятность приключилась с медсестрой. Женщину едва не вывернуло наизнанку! Потрясенные очевидцы наблюдали, как ее швыряло по коридору, она орала нечеловеческим голосом, хваталась за горло, расцарапывая его в кровь. Потом озверевшие санитары загнали больных в палаты, запретили выходить под угрозой побоев. Товарищи по несчастью конкретно сходили с ума. Кто-то лез на стенку, кто-то под кровать. Кто-то хохотал и выкрикивал, что человечество получило по заслугам, его настигла кара небесная, так ему и надо за все накопившиеся грехи! Витек был тише воды и ниже травы, съезжился на своей кровати в углу, следил за ситуацией. Галлюцинаций ночью не было, если не считать, что все происходящее было одним большим глюком! Больница тряслась, по коридору кто-то бегал, ругался матом. В палате тоже происходило что-то страшное. Соседа – водопроводчика Сидорова, допившегося до розовых поросят, выгнуло, словно радугу. Он рухнул с кровати, трясся в конвульсиях – и куда-то делся, – когда перепуганный Витек выглянул из-под одеяла, того и след простыл. Он заткнул уши, зажмурился, клялся себе, что навеки бросит пить, что даже за миллион долларов не прикоснется к зеленому змию! Он обливался потом – духота царила невероятная. Были провалы, было странное состояние, отчасти похожее на сон. Орали люди, кто-то мяукал, кто-то хрипел, временами прыгала кровать, с которой он упорно не желал расставаться. Даже по потолку кто-то лазил! Регулярно безумцы бросались к двери, пытались ее выломать. Но дверь была прочная, и замок держал, как надо. Больные лезли на окна, трясли решетки, но и их приварили на совесть. Витек дрожал и не мог понять – почему же с ним ничего не происходит? А утром триллер продолжался. Распахнулась дверь, и в палату полезли те самые «ряженые» с перекошенными мордами. Многие были в крови. Кто-то был в больничной пижаме, кто-то в форме персонала, другие вообще непонятно в чем. Это зверье орало, расшвыривало кровати с нечеловеческой силой, хватало людей. У Витька хватило ума залезть под кровать. Ну, не рвался он умереть молодым и здоровым! Там и отлежался, никем не пойманный, потом пополз. А когда до двери осталось несколько метров, совершил беспрецедентный рывок, вывалился в коридор, побежал к лестнице. Он скатился с нее в вестибюль, помчался в холл. Слава богу, никто его не преследовал. Он выскочил из больницы... и повернул обратно, когда на него поперла еще одна озверевшая толпа! Сзади бежали монстры, справа по коридору топали такие же – и по лестнице с верхних этажей кто-то скатывался. Загнали, демоны! – мелькнула мысль. Оставалась единственная дорожка – под лестницу. Он покатился в подвал, побежал по полутемному коридору. За ним уже топали. Острой наблюдательностью эти твари не отличались – он втиснулся в нишу между дверьми, и они протопали мимо. А спустя минуту потопали обратно, скуля от разочарования. Витек поздравил себя со вторым рождением – они едва не толкнули его в плечо! – перевел дыхание и на цыпочках побежал обратно. Отворилась дверь, высунулся нос заместителя главврача, и он уже не раздумывал...

– Александр Васильевич, миленький, мне не чудится? – умоляюще вопрошал Витек. – Вот не поверите, впервые в жизни хочу, чтобы белочка пришла...

– Рад бы, Витек, тебя утешить, но не могу, – сокрушенно вздыхал Шура. – Не повезло тебе сегодня с белочкой.

– А действительно, Витек, почему с тобой ничего не происходило? – задумался Андрей. – Люди вокруг тебя умирали, превращались в безумцев, а тебе хоть бы хны.

– Ну, извини, приятель, – развел руками алкаш. – Вы трое тоже походу не жалуетесь, нет?

Он исподлобья обзрел всех присутствующих. Татьяна смутилась, отвела глаза. Шура отяжелевшей «иноходью» доковылял до стола, злобно воззрился на ополовиненную пациентом бутылку, но пить не стал. Передернул плечами.

– Ох уж это непередаваемое чувство, когда в любую минуту ты можешь почувствовать острое недомогание – и либо подохнешь, либо озвереешь. Бодрит, господа? Ну, что, вас еще тошнит от этой жизни?

Вся компания подавленно молчала. Андрей давно уже подметил, что остро реагирует на любые подвижки в организме. Пульсирует боль в голове – уже паника. Перевернется что-то в желудке – и хоть завещание пиши. Ощущения действительно непередаваемые. Жизнь уже не кажется никчемной и пустой...

Захныкала Татьяна, зарылась в щель между диваном и подушкой.

– Не хочу... – всхлипывала. – Не хочу, это просто пипец какой-то... – Внезапно ее пронзила нехитрая мысль, которая, собственно, могла бы и раньше прийти. Она вскинула голову, побледнела. – У меня же родители еще вчера ждали меня после смены... Господи, как они там, наверное, все больницы и морги обзвонили... Мужчины, вы чего ждете? – Она едва не завизжала. – Вы мужики или кто? Давайте выбирать! Мне домой надо! У отца слабое сердце, а мама очень впечатлительная!

– Ну, что ты орешь, Танюша? – зашипел Шура, делая страшные глаза. – Сиди тихо...

– Витек, во время одиссеи по больнице ты видел хоть одного нормального человека? – спросил Андрей. – Ну, вроде нас с тобой...

Витек задумался, неуверенно качнул головой.

– Не, приятель, таких, как мы, не видел. Но, знаешь, я особо не всматривался – носился, как на Олимпиаде...

– Вот только не надо говорить, что, кроме нас, никого не осталось, – заворчала Татьяна. – Я уже по горло сыта этими глюками... – Она достала из халата телефон, стала лихорадочно давить кнопки. Остальные кинулись делать то же самое – кроме Витка, которому в больнице телефон не полагался (чтобы до Гаагского трибунала не дозвонился). Мобильной связи, разумеется, не было. Интерком не работал – в чем Шура быстро убедился. Взоры всех присутствующих сместились на лампу дневного света, которая продолжала гореть, но регулярно моргала – и всякий раз, когда она это делала, к горлу подкатывал тоскливый ком.

– Ой, мамочка, – озвучила Татьяна общую мысль. – Если она сейчас погаснет, я скончаюсь...

– Ладно, – пробормотал Андрей. – Все это крайне мило, но в чем-то Татьяна права – мужики сегодня не мы. Хватит глючить и убеждать себя, что на Землю обрушился зомби-апокалипсис. Не бывает зомби-апокалипсиса.

– Точно, приятель, – встряхнул шевелюрой Витек. – Бывает мало водки. Ну, или много – кому как. Подожди, – всполошился он, глядя, как Андрей тянет руку к двери, – ты уверен, что это именно то, что нам сейчас нужно?

– Ты далеко, Андрюха? – встревожился Шура.

– Ой, не выходи, – запричитала Татьяна. – Не надо...

– Не надо? – удивился Андрей. – Татьяна, ты уж определись – будем выбирать или еще посидим? В общем, слушайте меня внимательно, мужики и дама. Сейчас я тихо выхожу – ну, типа на разведку. Запритесь, а ты, Шура, стой у двери, как влитой, держи руку на замке, и только я ударю, сразу открывай.

– Уверен? – сглотнул Шура.

– Надоело, – признался Андрей. – Решим этот вопрос – мы спятили или нет. Мы же современные люди, господа, всему имеется вменяемое объяснение.

Он минутку помедлил, выискивая, чем вооружиться, сжал горлышко пустой бутылки и решительно повернул собачку.

Он выскользнул в полутемный коридор... и спустя секунду влетел обратно с перекошенным лицом! Споткнулся о порог, перекувыркнулся, влетая в комнату.

– Запирай!!!

Коридор огласился громогласным ревом! Шура, ахнув, замкнул запор, отшатнулся от двери, а она уже тряслась, ходила ходуном от беспорядочных ударов. Завизжала Татьяна, перепрыгнула через спинку дивана. Метался Витек, запинаясь о ножки стола. Пятился Шура, сжимая кулаки. Дверь могла не выдержать! Сохранять тишину уже было неактуально. Андрей орал командирским голосом (и сам удивлялся своей решимости), что не хрен стоять и трястись, всем за работу, заблокировать вход! Поднатужившись, они с Шурой перевернули ближайший шкаф, подтащили к двери. Кинулись к дивану, стали его подтаскивать, едва не раздавив притаившуюся за ним Татьяну – а Витек продолжал метаться (но уже продуктивно), удалял с их пути посторонние предметы – стол, кресла, пустую стеклотару...

Дверь подперли, рухнула на пол. Подползла Татьяна, забралась под мышку к Андрею (почему-то не к Шуре, но тот даже не заметил), стала там дрожать, вызывая в организме раздражающие вибрации. Долбежка затихала, утробное рычание становилось глуше. Последний удар в дверь – и в коридоре воцарилась тишина. «Мало каши ели», – подумал Андрей.

– Эй, глазастьенькая, – пробормотал, спотыкаясь, Витек, – это все из-за тебя. Визжала, словно менты тебя пытали...

– Давайте не искать крайних, – предложил Андрей. Он сам еще не мог успокоиться, зубы выбивали чечетку.

– Страшно, Андрюха? – покосился на него Витек. – А ты не пугайся. – Он глупо заржал. – Это еще больше осложнит ситуацию.

– Боюсь, вы ничего не знаете о страхе, друзья мои, – криво усмехнулся Андрей. Стоило закрыть глаза, как снова озарялась картина: из полумглы вылупляются озверевшие рожи – у одного кровь стекает с губ, у другого глаза висят на ниточках, горят воспаленной краснотой – несутся на него, простирая скрюченные длани. У одного, кажется, рука сломана – вывернута в плечевом суставе, но это для парня не проблема...

Он коротко поведал о том, с чем столкнулся.

– Ну, что ж, по крайней мере, один из нас убедился, что он не спит, – невесело усмехнулся Андрей. – Так что прости, Татьяна, выходить в свет в ближайшее время нам крайне не рекомендуется. Если не хотим, чтобы нас порвали.

– Ну, как же так? – стонала она. – Где же санитары?

– Здесь они. Извини, это и были... санитары.

Вздрогнул Шура, уставился на Андрея с таким видом, словно тот опроверг непререкаемую догму. Нервно гоготнул Витек, свернувшийся за диваном в позе зародыша.

– Поделом говноедам. Дошел наш с мужиками посыл до боженьки...

– Разговорчики, – злобно шикнул Шура. – Ты что, Витек, совсем страх потерял?

– Ага, от страха, – хихикнул алкаш. – Успокойтесь, Александр Васильевич, к вашей светлой личности это не относится. Вы, конечно, не подарок ко Дню Благодарения, но мужик терпимый, видали и похуже.

Послышалась подозрительная возня – Витек дотянулся до ополовиненного «источника зла», присосался к горлышку, пока не отобрали. «В мир глюков хочет свалить, – неодобрительно подумал Андрей. – Хитрый какой». Лично у него желание пить пропало начисто. Да и Шура воздержался от комментария – ему уже было все равно.

– Давайте рассуждать здраво, – предложил Андрей. – Что происходит?

Люди молчали – каждый по-своему переживал ситуацию.

– Выяснили, – крикнул Андрей. – Второй вопрос. По вашему уверению, вчера в городе наблюдались пожары. Если тушить их некому, а, подозреваю, так и есть, то пламя будет перекидываться со здания на здание, и недалек тот час, когда над нами загорится больница, и станет вдвойне, а то и втройне весело.

И это ценное замечание осталось без комментариев.

– При этом выбраться мы не можем, – добавил Андрей. – Пока, во всяком случае, не можем. Но это надо сделать при первой же возможности. Что мы имеем при самом худшем раскладе? Телефонная связь не работает, в городе пожары, бардак, паника... – Он поднялся на подгибающихся ногах, доковылял до санузла и быстро вернулся на место. – Воды в кране тоже нет, с чем вас и поздравляю. Скоро начнутся вонь, голод и мор. Исходя из перечисленного, электричество тоже должно отключиться. – Он уставился на моргающую лампу, и все проделали то же самое. – Имею подозрение, что оно уже отключилось, просто кто-то в общей панике запустил резервный генератор, у которого скоро кончится горючее...

Народ в тоске безмолвствовал.

– Твари, которые ломались в дверь, – безжалостно гнул Андрей, – примерно в курсе, что мы здесь, и будут предпринимать попытки до нас добраться. Рано или поздно они сломают дверь. Почему бы нам не вооружиться? Колись, Шура, что у тебя тут есть?

– Скальпель устроит? – усмехнулся приятель. – Прости, Андрюха, здесь не арсенал воинской части. Можно ножки от кресла оторвать, трубу какую-нибудь выломать...

– Да ладно, поживем, вроде не дует... – закричал Витек, подпирая кулаком небритую щеку. – Детишек нарожаем, да, красивая? Получим аморальное удовлетворение. – Он гаденько гоготнул, забормотал дальше, не дожидаясь реакции: – Ладно вам париться, народ, ну, подумай, сумасшедшие бегают по зданию. Мы же в дурдоме, нет? Передохнем, придумаем что-нибудь...

«Отдых» явно затягивался. Люди погружались в ступор, пропадало желание шевелиться. Волнами накатывал сон, в панике просыпались. Временами в коридоре кто-то топал, извещаясь рыком и мычанием, тряс дверь. Люди в такие моменты прекращали дышать. Татьяна льнула к Андрею. Ее, вероятно, задевало, что он не хочет ее обнять. «Эти твари не могут разговаривать, – делал мысленные зарубки Андрей. – Издают примитивные звуки. Видимо, вирус поражает не только мозг, но и голосовые связки». Потом настало время, когда обессиленные, измученные ожиданием люди полностью отключились. Сон ударил, как кувалда. Похмелье оказалось совсем некстати. Андрей купался в какой-то липкой тине, из которой всплывали пораженные неведомой заразой санитары, мертвый Иван Алексеевич Сирин, почему-то живая, но обезображенная Рита, умоляла ее убить...

Он очнулся от испуганного вопля! Татьяна пробудилась раньше других и обнаружила, что вокруг темнота! Андрей отыскал ее на ощупь, заткнул женщине рот. Люди обливались потом. Вместе с лампой отключился кондиционер, стало нечем дышать. Шура с Витьком ползали по полу, активно использовали ненормативную лексику. В коридоре было тихо. Оторвав от себя Татьяну, шикнув на товарищессу по несчастью, Андрей включил фонарик на мобильном, забрался на гору мебели и приткнулся к двери. В коридоре определенно было тихо. По комнате шныряли пятна света – товарищи вооружались сотовыми телефонами, никто не хотел сидеть в темноте. Часы показывали половину пятого – пока еще дня. Андрей спустился вниз и шепотом проинформировал, что имеется сдержанный повод для оптимизма.

– Ой, как страшно выходить... – заскулила Татьяна. – Они там, они нас ждут, они притаились...

– Может, перекусим? – предложил Витек. – А потом и двинем, помолвившись?

– Да чтоб тебя, он еще и ест, – разозлился Шура. – Все съели, больной, расслабьтесь. И выпили ВСЁ – не будем пальцем показывать, кто это сделал...

– Так я же ни в одном глазу, Александр Васильевич... – вяло отбивался Витек. – Это только на пользу. Тут сколько ни выпей, уже не проймет...

– Попытка не пытка, господа и дамы, – объявил Андрей. – Другого шанса, возможно, не будет. Тихо отодвигаем мебель, вооружаемся и валим отсюда к чертовой матери...

Мужчины возились с мебелью, которой сами же загородили проход. Объявляли минуты тишины, напряженно вслушивались. Из коридора не поступало никаких звуков. Голова работала – что-то подсказывало, что пораженные в мозг оппоненты не такие уж титаны мысли, чтобы учинить засаду и терпеливо в ней сидеть. Если тихо, значит, никого нет. Кряхтя, оттащили шкаф. Вооружались стальными ножками от столика, которые легко откручивались от столешницы. За спиной царило гнетущее молчание – сердце выскакивало из груди. Андрей отомкнул запор, сжимая до судорог стальную трубу, высунулся наружу. Он весь обливался испариной. Труба не пригодилась, в коридоре никого не было. Тишина заткнула уши, как вата. Он выбрался наружу, присел на корточки, стал осматриваться. В глубине коридора густел мрак, но интуиция подсказывала, что злобные силы там не таятся. В другой стороне тьма рассасывалась, серела стена – там был выход на лестницу. Сердце билось, как шаманский бубен – он никогда не думал, что способен испытывать такой звериный страх. Глаза привыкали к темноте, в нескольких метрах от Андрея лежала бесформенная гряда.

– Посидите здесь, отлучусь, – шепнул он.

– Черта с два, – прокряхтел Шура. – Вместе пойдем. Мочи нет уже ждать...

– Хорошо, – согласился Андрей. – Но толпой не валить. Выждать – и за мной. Чуть шикну – бегом назад и запираемся.

– Мамочка дорогая, мамочка дорогая... – бубнила, как заевшая пластинка, Татьяна. – Как же мы пойдем?

– Половым путем, дорогуша, – не преминул съехидничать Витек. – По полу, ножками...

Блестящую динамику не демонстрировали. Кто-то замешкался, кто-то рвался наружу – Андрей уже присел на корточки рядом с телом, а товарищи все еще возились. Он брезгливо зажал нос – вокруг покойника пахло не ромашками. Мертвое тело принадлежало мужчине в санитарном облачении. Униформа в «камуфляжных» кровавых пятнах, штаны разорваны – словно дикий кот провел по штанине когтями. Он отпрянул от нечеловеческого оскала – видимо, не стоило лишний раз проявлять любопытство. Кто-то руками разрывал покойнику рот, а потом отгрызал нос вместе с ноздрями, причем отчасти это удалось...

Он двинулся дальше, а за спиной хрипели:

– Вот хрень, это же Бусыгин – санитар из четвертого отделения... Блин, не повезло мужику...

– Он мертвый, да? Он мертвый? – истерила Татьяна. – Мамочка, я так боюсь покойников...

– А чего их бояться, милочка, они не шевелятся, – натужно хрюкал Витек.

– Помогите, он шевелится... – внезапно запричитала Татьяна.

Народ рассыпался, обуянный страхом, Андрей, чертыхаясь, побежал обратно... и встал как вкопанный. Зыбкий огонек вновь осветил скрюченное тело. Оно, ей-богу, шевелилось! Но это не мешало искалеченному бедняге испускать удушливый смрад разложения! Скрюченные пальцы «мертвеца» конвульсивно подрагивали. Из разорванного рта вывалился синий, в пупырышках, язык. Приоткрылись глаза – блеклые, болотные, подернутые паутиной. В них поигрывал какой-то синеватый огонек. Ахнул Витек – раскоряченная длань впиалась ему в штанину! Не успели опомниться, как он отпрыгнул, взмахнув ножкой, и, резко выдохнув, треснул санитар по черепу! Кость хрустнула, словно была ледяной коркой. Санитар Бусыгин издал головой звук, который обычно издается другим местом, и застыл. Череп со слипшимися волосами окрасился кровью.

– Витек, зачем ты его? – зашипел Шура. – Он ведь живой был...

– Не был он живым, Александр Васильевич... – потрясенно бормотал Витек, отступая от мертвеца (теперь уже гарантированного) и лихорадочно крестясь. – Вы бы хотели так жить? Вот признайтесь, вам нужна такая жизнь? Гадом буду, это не жилец, пусть спасибо скажет, что избавил от страданий...

Андрей помалкивал. Он чувствовал, что Витек не так уж неправ. Оживший мертвец – гарантированный источник неприятностей. Этого парня уже не вылечит никакая медицина. Татьяну тошнило, ее подталкивали к выходу. На лестницу взбирались ползком, готовые в любую секунду броситься на попятную. В психбольнице царило противоестественное безмолвие. Освоив первый пролет, выключили фонари – тьма отступила. Несколько раз пыхтящий Витек, сжимая наперевес окровавленную трубу, пытался вырваться вперед. Андрей хватал его за ворот, отправлял в тыл. Никаких батальных сцен! Пригнувшись, он перебежал лестничную площадку, высунулся в коридор первого этажа. Пространство освещалось из бокового окна, заданного мутным стеклом и решеткой. В коридоре валялись перевернутые лавки, тела. Запашок присутствовал. «И здесь скоропорт», – сипло выдавил Витек, затыкая нос. К аромату разложения примешивался ощутимый запах гари. Он поступал с улицы – в больнице, слава богу, ничего не горело. Он придержал Витьку – тот дрожал, как паровоз под парами, – пересек, пригнувшись, коридор и выбрался в просторный вестибюль. С улицы доносился утробный гул. В вестибюле тоже хорошо погуляли. На стенах красовались потеки крови и какой-то желтоватой субстанции. На мраморном полу, разбросав руки, валялась женщина в больничном халате – судя по скрюченным конечностям, перед смертью она защищалась. Ближе к входу, переплетаясь ногами, лежали еще двое. Будка вахтера была растерзана, на полу валялись осколки стекла и плексигласа. Окна разбиты, оконные переплеты раскурочены, хотя решетки снаружи оставались целыми. Андрей медленно двигался по холлу, огибая тела и горы осколков. Двустворчатые двери были закрыты – их держали жесткие пружины с доводчиками. Он задыхался от волнения – желание покинуть скорбную юдоль просто выкручивало. Но гул снаружи нарастал. Он подбежал к двери... и замер, начал вслушиваться. В затылок уже дышали, люди обступили его. От страха и нетерпения у всех срывалось дыхание. Желание выйти стало пропадать. На улице кто-то присутствовал. Хрустела галька под ногами, доносился гул. На крыльцо кто-то взгромоздился – Андрей отшатнулся, остальные тоже попятнулись. В больницу чужаки не полезли – видимо, были в курсе, что там ни еды, ни развлечений, – блуждали по крыльцу, что-то ломали. Несколько особей, лицезреть которых не было возможности, мычали в стороне. Вот кто-то упал – видимо, оступился, – мычание переросло в карканье придушенной вороны, затопали люди, диковатый хор огласил сквер перед больницей. Андрей приложил палец к губам и сделал знак, чтобы следовали за ним. Вся компания перетекла в коридор. В больнице по-прежнему было пусто. Подавленные люди мялись в коридоре, пугливо озирались.

– Надеюсь, все понимают, что сейчас не лучшее время выходить на улицу? – прошептал Андрей.

– Мда уж, – неопределенно выразился Шура, у которого от страха свело челюсть, он с трудом ею шевелил.

– Ну, в натуре сотворение нового мира... – Витек яростно корябал ногтями лоб и улыбался так, словно уже сидел на электрическом стуле.

– Вижу два варианта, – бормотал Андрей. – Первый – возвращаемся обратно и дожидаемся лучших времен...

– Господи правый, это что – доктор Бурденко? – Татьяна прижала руки к груди и потрясенно уставилась на тело медика, у которого была свернута шея, а морщинистое лицо превращалось в рыхлую землистую массу.

– Это не доктор Бурденко, – злобно зашипел Шура. – Это труп доктора Бурденко. Танюша, может, хватит остро реагировать на каждого покойника?

– Ну да, где хваленый цинизм медработника? – хихикнул Витек. – Впечатлительная ты какая-то, крошка.

– Да иди ты к черту, – разозлилась Татьяна. – Будут еще тут всякие... Я, между прочим, всего полгода работаю в этой больнице и до вчерашнего дня не видела ни одного трупа. Это, если ты забыл, психиатрическая клиника, а не реанимация...

– Полагаешь, я мог забыть? – затрясся от беззвучного хохота Витек.

– Поговорили? – строго сказал Андрей. – Тогда второй вариант... Шура, что тут с черным ходом? Но не из главного корпуса, а где-нибудь подальше.

– Пошли, – встрепенулся Шура. – Это там. – Он показал подбородком. – Пара коридоров, пристройка – и мы на воле.

– Веди, Сусанин. Татьяна – за мной, Витек – замыкаешь процессию и никуда не лезешь.

– Слушаюсь, начальник, – нервно гоготнул Витек. – Буду подбадривать вас свежими анекдотами...

Они практически добрались до примыкающего коридора. Шура нетерпеливо газовал у проема. Татьяна за спиной Андрея вдруг шумно выдохнула – словно поперхнулась, наступила ему на пятку. Он хотел ее поддержать, подхватил под локоть, она навалилась на него. Он схватил ее двумя руками, чувствуя, что у девушки подкашиваются ноги.

– Эй, ты чего?

– Подожди, Андрюша, что-то мне не очень...

Она не договорила, женщину охватила лихорадка. Она тряслась в его руках, прерывисто мычала. Глаза молили о помощи, потом стали закатываться, она обвисла. От Татьяны исходил сильный жар – он навалился внезапно, как обухом по голове, женщина даже опомниться не успела. Он не видел в полутьме ее лица, она схватила его за плечо, сильно сжала – и тут же разжала пальцы. Он все понял – так вот как это происходит... Стучали зубы, она трясла головой, ноги не держали – висела, как куль. Он доволок ее до ближайшей скамейки, усадил. Но она и сидеть не могла – завалилась. Конвульсии учащались. Он схватился за телефон, отыскал срывающимися пальцами нужную клавишу. Шура вырывал у него фонарик, выражался в нецензурной форме. Мерклый свет озарил сведенные судорогой скулы. Это была уже не Татьяна! Изувеченная ведьма, лишь немного напоминающая Татьяну! Вздулись вены, лицо стало пегим, глаза вываливались из орбит. Видимо, боль зашкаливала за все разумные пределы. В какой-то миг в глазах прочертилась ярость – столь нелепая в этот момент. Она издала сиплый рев, разверзся белозубый оскал. Выгнулось ладно скроенное тело... Краем глаза он заметил, что Витек замахивается трубой – ишь ты, понравилось... Но столь радикальные меры не понадобились – лихорадка оборвалась, женское тело упало на скамейку. Сердце не выдержало чудовищного напряжения...

Они смотрели на мертвую женщину – оторопевшие, еще не веря. Предсмертная судорога изменила ее до неузнаваемости, лицо превратилось в синяк с вздувшимися кровеносными сосудами. Заохал Шура, кинулся проверять пульс, оттягивал веко, но что он рассчитывал там увидеть? Он рухнул на колени, завыл, фонарик покатился на пол. Попятился Витек, опустив трубу, сел на пол, прижался к стене.

– Вот же черт... – бормотал он, спотыкаясь на каждом слове. – Вот же угораздило... Вот же срань, верните меня обратно в запой...

– Шура, прекращай. – Андрей положил приятелю руку на плечо. – Все под богом ходим.

– Под богом? – Шура всхлипнул, закрыл лицо ладонями. – Да я в гробу видал такого бога...

Они молчали, погружаясь в предательский ступор. Онемение расплзалось по телу. Теперь уже каждый – до дрожи, каждой клеточкой – чувствовал, что нечто подобное может накрыть и его. Успеешь что-то понять – но даже не поволнуешься, не смиришься. Хотя, возможно, и к лучшему...

– Нельзя ее здесь оставлять, – пробормотал Шура, поднимаясь с пола. Он пристроился на коленях рядом с покойной, взял ее остывающую руку. Шумно выдохнул Витек, предпочитая не демонстрировать свои дурные наклонности.

– При всем уважении, Шура, – смутился Андрей, – мы не можем доставить Татьяну на кладбище и там похоронить. Даже в ваш замечательный местный морг отнести ее не можем.

Через это надо пройти. – Он поднял фонарик, шагнул в ближайший проем. Вернулся быстро, издавая горлом отрывистые звуки, укрыл тело простыней. Снова сидели, борясь с отупением. Андрей встрепенулся, побрел в боковой коридор. Оживился Витек, пристроился сзади. Шура взвыл, начал в ярости крошить кулаками стену, потом сник, потащился за товарищами.

Переходы внутри больницы оказались длинными и витиеватыми. Они перетекли в соседний корпус. Пришлось осваивать всю пристройку, чтобы выбраться в задний двор. В этой части больницы тоже было пусто. Коридоры изгибались, плелись. В конце пути пришлось идти через хозяйственную часть. Трупов здесь не было, особого беспорядка тоже. Люди брели мимо складов с инвентарем и постельными принадлежностями, мимо штабелей с кроватями, складированных горками одеял на стеллажах. Короткая винтовая лестница, сумрачный полуэтаж, забитый бесхозным больничным хламом, снова спуск, изогнутый проход мимо ниши, в которой на полках пылились скрученные одеяла и матрасы. Внезапно Шура, занявший свое место «проводника», резко встал. Паника охватила – и он туда же?! Но нет, старинный приятель пока оставался в норме – вскинул голову, фонарик осветил обострившийся профиль, сжатые губы. Он что-то услышал. Выплеснулось бешенство, он занес над головой трубу, едва не снеся подбородок Витьку, и, процедив: «Ну, суки, держитесь», бросился в нишу.

Разразилась суета. Хрипы, визг, разлетались охапки одеял и подушек. Шура был полон злобы и решимости. Впрочем, до разрядки дело не дошло. Прыгающий свет озарил копошащиеся тела, растопыренные пальцы, которыми закрывался некий хрипящий тип. Шура вытаскивал его из ниши за ногу, а тому это не нравилось, он брыкался, скулил. В нише под ворохом больничных принадлежностей прятались двое. Видимо, их страх был настолько объемлющим, что они даже не пытались узнать, что творится на «воле». Сообразив, что убивать их пока не стоит, люди опустили оружие, пожирали глазами выживших счастливчиков.

– Кравец? – изумленно спросил Шура.

У мужчины, к которому он обращался, была изувечена нога – похоже, он сломал ступню. Лысоватый, в форменной серой рубашке, он морщился от боли, вздрагивал при каждом вдохе. Он пытался подтянуться на руках, щурил подслеповатые глаза – видимо, потерял очки.

– К-кто это?

– Черепанов, – представился Шура. – Если помнишь такого.

– О, боже... Здравствуйте, Александр Васильевич... А я-то смотрю, не видно вас нигде...

– И тебе приятного дня, Кравец, – вздохнул Шура и представил господина. – Кравец, вахтер. Мажордом наш, блин...

Второй из уцелевших выглядел куда примечательнее. Он сжался в позе эмбриона, поглядывал затравленным волчонком. Одетый в больничную пижаму, статный, кучерявый, с породистой физиономией, украшенной горбатым носом. Красавцем, впрочем, он сейчас не был. Лицо исполосовано в кровь, под глазом красовался здоровый синяк, по щеке расплывалась синюшная гематома. Он хлопал глазами и не мог побороть сжирающий его ужас. До пациента не доходило, что склонившиеся над ним люди вполне адекватны и не хотят ему зла.

– А это что за жертва некрофила? – удивился Витек.

– Новости светской хроники, блин. – Шура презрительно сплюнул. – Милейший Аскольд Вятский собственной персоной. Журналист, светский лев и весьма узнаваемая в городе персона. Завсегдатай гламурных вечеринок, любимец напыщенных дам и все такое.

– Впервые вижу, – хмыкнул Витек. – Мне оно надо?

– Я тебе рассказывал про него, – покосился на Андрея Шура. – Нервный срыв у человека на фоне сытой обеспеченной жизни, не обремененной проблемами. Этот гад себе требовал отдельную палату и джакузи, представляешь? Лежать с чиновниками и депутатами ему, видите ли, запахло.

– Что вам надо от меня? – взвизгнул Вятский. – Да, я Аскольд Вятский, и я требую уважительного к себе отношения! Я вас трогал?

– Трогал, – кивнул Шура. – Кто телегу на меня настроил в областной минздрав? Тигру, видите ли, в этой клетке не докладывают мясо. И омарами покормить забыли. И постельное белье не меняют дважды в день. И обои в горошек, а не в полоску. Никакой ты не Вятский, дружище – ты Вася Хрюкин. Бедненький, – поцокал языком Шура. – На кого ты похож, что с тобой сделали? Не получилось отдохнуть от себя? Ладно, живи, Аскольдушка, кто старое помянет, как говорится... Давай, Ксюша, вставай, – протянул он руку. – Так и будешь тут валяться?

– Не прикасайтесь ко мне! – завизжал Вятский. – Никакая я вам не Ксюша! – Он засучил ногами, отказываясь подчиняться, но быстро поменял свою точку зрения после точной оплеухи – вскочил, затрясся.

– Бледненький какой, – посетовал Витек.

– Ничего, – проворчал Шура. – Любит быть фараоном, пусть любит быть и мумией. Виталий Антонович, ты сможешь подняться? – склонился он над вахтером.

– Да хрен-то там, Александр Васильевич, – кричал «мажордом» Кравец, хватаясь за протянутую руку. – Кабы мог, лежал бы тут с этим нытиком и скандалистом? Он мне уже все нервы вымотал...

Совместными усилиями подняли Кравца – Андрей подставил плечо. Обуза была так некстати, исключала мобильность, но не бросать же человека? Кравец закусил губу, чтобы не взвыть от распарывающей боли. Ступня искривилась – перелом был серьезный, со смещением. Видно, наболело у человека – он начал говорить, проглатывая слова, – как пережил кошмар вчерашнего дня, как по больнице носились умалишенные, как спешно ретировались самые дальновидные работники персонала, а ему служебный долг не позволял, он очень ответственный человек... Никаких подозрений на белую горячку, на стойкие галлюцинации – Виталий Антонович непьющий вменяемый человек. Уравновешен настолько, что даже жене за двадцать лет совместной жизни ни разу не позволил вывести его из себя. Он сразу понял, что все по-настоящему, и этот «Голливуд» разыгрался не только в психбольнице номер два, но и везде. Он обрывал телефоны – жены, знакомых, родственников, – никто не отвечал. По больнице метались какие-то безумцы, орали, нападали друг на друга. На его глазах скончался в страшных корчах доктор Бурденко. Пришлось оставить свой пост – там уже орудовала банда обезумевших людоедов. Именно Кравец, скатившись в подвал, запустил автономный генератор – после того, как в больнице отключилось электричество. А потом удирал от причудливой парочки – долговязого пациента со второго этажа и примкнувшей к нему медсестры Петровой, у которой явно крыша поехала. Он залетел в подсобку, споткнулся о швабру, упал, что и послужило причиной перелома. Несколько часов он лежал в темноте. Ночью стало тихо, хотя наверху кто-то еще отплясывал и ломал двери. Кравец пополз по переходам, забился в нишу – он умотался настолько, что уже не мог никуда ползти. Его нагнал этот горе-журналига, умолял спасти, обещал кучу денег – тому и в голову не приходило, что человек со сломанной ногой не способен на благотворительность. Он забился в нишу вместе с ним, нес какую-то пургу, пока не забылся тревожным сном...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.